
Voennyi Sbornik

Has been issued since 1858.
ISSN 2309-6322.
2014. Vol.(5). № 3. Issued 4 times a year

EDITORIAL STAFF

Dr. Cherkasov Aleksandr – Sochi State University, Sochi, Russia (Editor-in-Chief)
PhD Ivantsov Vladimir – Sochi State University, Sochi, Russia
PhD Mamadaliev Anvar – Sochi State University, Sochi, Russia
PhD Sorokin Aleksandr – Tomsk State University, Tomsk, Russia

EDITORIAL BOARD

Anca Alejandro – Ministry of Defence of Spain, Spain
Crawford Kent – Gunnery Fire Control Group, USA
Krinko Evgenii – Southern Scientific Center, Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russia
Myagkov Mikhail – Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Rzheshevskii Oleg – Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Sarychev Gennadii – Moscow Department of the Russian Ministry of Interior, Moscow, Russia
Sergeev Evgenii – Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Senyavskaya Elena – Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Šmigel' Michal – Matej Bel University, Banská Bystrica, Slovakia

The journal is registered by Federal Service for Supervision of Mass Media, Communications and Protection of Cultural Heritage (Russia). Registration Certificate ПИ № ФС 77 - 55398 or 17.09.2013.

Journal is indexed by: **CiteFactor** (США), **CrossRef** (UK), **Electronic scientific library** (Russia), **Global Impact Factor** (Australia), **Open Academic Journals Index** (Russia), **Sherpa Romeo** (Испания), **ULRICH's WEB** (США), **Universal Impact Factor** (Австралия).

All manuscripts are peer reviewed by experts in the respective field. Authors of the manuscripts bear responsibility for their content, credibility and reliability.

Editorial board doesn't expect the manuscripts' authors to always agree with its opinion.

Postal Address: 26/2 Konstitutcii, Office 6
354000 Sochi, Russian Federation

Website: <http://ejournal6.com/>
E-mail: sochio03@rambler.ru

Founder and Editor: Academic Publishing
House *Researcher*

Passed for printing 16.09.14.

Format 21 × 29,7/4.

Enamel-paper. Print screen.

Headset Georgia.

Ych. Izd. l. 4,5. Ysl. pech. l. 4,2.

Circulation 500 copies. Order № 5.

Voennyi Sbornik

2014

№

3

Издается с 1858 г. ISSN 2309-6322.
2014. № 3 (5). Выходит 4 раза в год.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Черкасов Александр – Сочинский государственный университет, Сочи, Россия
(Гл. редактор)
Иванцов Владимир – Сочинский государственный университет, Сочи, Россия
Мамадалиев Анвар – Сочинский государственный университет, Сочи, Россия
Сорокин Александр – Томский государственный университет, Томск, Россия

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Анка Алехандро – Министерство обороны Испании, Испания
Крауфорд Кент – Группа управления артиллерийским огнем, США
Кринко Евгений – Южный научный центр РАН, Ростов-на-Дону, Россия
Мягков Михаил – Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия
Ржешевский Олег – Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия
Сарычев Геннадий – ГУ МВД России по г. Москве, Москва, Россия
Сеняевская Елена – Институт российской истории РАН, Москва, Россия
Сергеев Евгений – Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия
Шмигель Михал – Университет Матей Бэла, Банска Быстрица, Словакия

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия (Российская Федерация). Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС 77 - 55398 от 17.09.2013 г.

Журнал индексируется в: **CiteFactor** (США), **CrossRef** (Соединенное королевство), **Global Impact Factor** (Австралия), **Научная электронная библиотека** (Россия), **Open Academic Journals Index** (Россия), **Sherpa Romeo** (Испания), **ULRICH's WEB** (США), **Universal Impact Factor** (Австралия).

Статьи, поступившие в редакцию, рецензируются. За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы публикаций.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

Адрес редакции: 354000, Россия, г. Сочи,
ул. Конституции, д. 26/2, оф. 6
Сайт журнала: <http://ejournal6.com/>
E-mail: sochio03@rambler.ru

Подписано в печать 16.09.14.
Формат 21 × 29,7/4.
Бумага офсетная.
Печать трафаретная.
Гарнитура Georgia.
Уч.-изд. л. 4,5. Усл. печ. л. 4,2.
Тираж 500 экз. Заказ № 5.

Учредитель и издатель: ООО «Научный
издательский дом "Исследователь"» -
Academic Publishing House *Researcher*

C O N T E N T S

Articles and Statements

Vladimir I. Afanasenko From “Blau” to “Uranus”: Operations by the Red Workers' and Peasants' Army and the Wehrmacht at the Big Bend of the Don in July-October 1942	144
Alexey Yu. Bezugolny Stalingrad and the North Caucasus: Two Counter-Offensives. The Experience of Interaction by Soviet Troops during an Operation on Encircling and Destroying the Stalingrad Enemy Forces. November-December 1942	159
Ilya P. Klyushnik The Notes of a Commandant’s Service Company Commander	167
Elena Yu. Litsareva Asia-Pacific Regional Security After the Cold War: Confrontation or the Movement Towards Consent?	175

Foreign Military Review

Olga V. Natolochnaya, Aleksandr A. Cherkasov The Use of Snipers in the Military World: Training, Qualifications and Technologies	187
--	-----

Copyright © 2014 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Voennyi Sbornik
Has been issued since 1858.
ISSN: 2309-6322
Vol. 5, No. 3, pp. 144-158, 2014

DOI: 10.13187/issn.2309-6322
www.ejournal6.com

Articles and Statements

UDC 94 (47).084.8(470.61)

From “Blau” to “Uranus”: Operations by the Red Workers' and Peasants' Army and the Wehrmacht at the Big Bend of the Don in July-October 1942

Vladimir I. Afanasenko

Institute of Socio-Economic and Humanities Research Southern Scientific Center, RAS, Russian Federation
Research Associate

Abstract

Between July and October 1942, the big bend of the Don was the venue for large-scale strategic operations. It was these operations which proved to be a game-changer in World War II. On June 28, the German High Command commenced its main advance in the summer campaign of 1942 at the southern wing of the Soviet-German front. The objective was not only the rout of Soviet troops in the south. The opponent planned on capturing the Caucasus, getting their ground troops to the Volga, and launching air strikes at the military-industrial complex in the Ural and Volga regions. As a matter of fact, Hitler sought to resolve the issues which had not been under the “Barbarossa” plan in summer and fall 1941. The German advance on the Stalingrad and Caucasus lines was stopped at the expense of great losses in men and materiel in late October-early November 1942.

Keywords: World War II; big bend of the Don; battles on the Voronezh, Rostov, and Stalingrad lines.

Введение

К летней кампании 1942 года обе противоборствующие стороны готовились к активным наступательным операциям. Немецкий план главного летнего наступления был четко изложен в оперативной директиве №41, подписанной Гитлером 5 апреля. Сталин в приказе № 130 от 1 мая 1942 г. стратегический замысел выразил чеканной фразой: «Всей Красной Армии – добиться того, чтобы 1942 год стал годом окончательного разгрома немецко-фашистских войск и освобождения Советской земли от гитлеровских мерзавцев!». Поражения войск Крымского, Южного и Юго-Западного фронтов в мае-июне 1942 г. не изменили наступательного вектора советской стратегии. Глубокоэшелонированная оборона, за исключением участка от Красного Луча до Самбека (рубеж «Миус-фронта»), в полосе Брянского, Юго-Западного и Южного фронтов отсутствовала. Значительное количество бронетехники в составе этих трех фронтов («танковых кулаков») успокоительно действовало на фронтовое командование. Как показали результаты трех «Прохоровок» в июле сорок

второго года, количественное преимущество танковых войск РККА было сведено на нет качественным преимуществом немецких бронетанковых войск.

Обсуждение

Накануне летнего сражения. Соотношение сил и средств противоборствующих сторон на южном крыле советско-германского фронта на 28.06.42 г.

5 апреля 1942 г. Гитлер подписал директиву №41. В разделе «Главные операции на Восточном фронте» указывалось, что для овладения Кавказом необходимо «разбить и уничтожить русские силы, расположенные западнее и севернее р. Дон... Было бы особенно желательно захватить неповрежденные мосты хотя бы в самом Ростове» [1]. После поражений армий Крымского, Юго-Западного и Южного фронтов в мае-июне 1942 г. инициатива на южном крыле советско-германского фронта перешла к противнику. Для главной летней наступательной операции на 800-километровом фронте, от района северо-восточнее Курска до Таганрога, к 28 июня сосредоточилась группа армий «Юг». Она состояла из трех мощных ударных группировок: одной – в районе северо-восточнее Курска, другой – северо-восточнее Харькова (ее в Генштабе именовали волчанской) и третьей – в районе Краматорска. В полосе от Курска до Таганрога находились 97 вражеских дивизий и бригад (900 тысяч солдат и офицеров, 1260 танков и САУ, свыше 17 тысяч орудий и минометов, 1640 боевых самолетов) [2]. Этой группировке вермахта и его союзников противостояли войска Брянского, Юго-Западного и Южного фронтов, в общей сложности 93 дивизии (81 стрелковая и 12 кавалерийских), 62 танковые и 38 мотострелковых и стрелковых бригад, 9 укрепленных районов – 1 715 тысяч человек личного состава, 16 500 орудий и минометов, 2 300 танков, 758 боеготовых самолетов [3]. Войска Брянского фронта генерал-лейтенанта Ф.И. Голикова оборонялись в 350-км полосе от г. Белёва до верховьев р. Сейм. Боевой состав Брянского фронта на 25 июня 1942 года составлял 446 799 человек. 61-я армия генерал-лейтенанта П.А.Белова численностью 83824 человек 28 июня была передана в состав Западного фронта [4]. В полосе фронта находился резерв Ставки – 5-я танковая армия генерал-лейтенанта танковых войск А.И. Лизюкова, (27462 человек и 480 танков). По директиве Ставки ВГК №170451 от 17 июня армия была переброшена в район северо-западнее Ефремова из района Ельца [5]. Основные резервы фронта и резервы Ставки противостояли южному флангу группы армий "Центр", прикрывая направление на Москву, и только 13-я и 40-я армии генералов Н.И. Пухова и М.А. Парсегова готовили оборону в полосе наступления группы армий "Юг". Несмотря на захват важных оперативных документов в портфеле майора Райхеля 19 июня, раскрывавших действия 40-го танкового корпуса и 4-й танковой армии на первом этапе операции «Блау», ни Ставка ВГК, ни командование Брянского и Юго-Западного фронтов возможность наступления противника на Курско-Воронежском направлении всерьез не принималось. На рубеж, построенный в тылу войск Брянского и Юго-Западного фронта по линии Большая Верейка, Турово, Алексеевка, Ровеньки, Мостки, Трехизбенка, только в конце июня-начале июля были выдвинуты части пяти укрепленных районов (75, 53, 117, 118, 74УР). Даже первый армейский оборонительный рубеж не успели оборудовать полностью, второй армейской полосы, как правило, не было вовсе. Артиллерия и резервы были равномерно распределены по фронту.

Войска Юго-Западного фронта маршала С.К.Тимошенко общей численностью 610000 человек занимали оборону в 300-км полосе от верховьев р. Сейм до г. Красный Луч. Помимо шести танковых корпусов, пятнадцати отдельных танковых и двух мотострелковых бригад, командующий фронтом имел в своем распоряжении пять укрепленных районов (52, 53, 117, 118, 74 УР), в которых было тридцать два отдельных пулеметно-артиллерийских батальона (ОПАБ). Эти силы давали Военному совету Юго-Западного фронта реальные возможности для прочного удержания занимаемых позиций. Однако неверная оценка сил противника, неточное определение направления его главного удара, отсутствие подготовленных оборонительных рубежей значительно снижало шансы на успех оборонительной операции. Основные усилия Юго-Западного фронта сосредотачивались в центре и на левом крыле.

Южный фронт генерал-лейтенанта Р.Я. Малиновского, имея боевой состав в **522500** человек, занимал полосу протяжением 250 километров от Красного Лимана до Азовского моря и прикрывал два важнейших направления: на Ворошиловград и на Ростов [6].

Выделенные для летнего наступления вермахта на юге девять танковых и семь моторизованных дивизий в первую очередь получали модернизированные танки Pz.III и Pz.IV с длинноствольными орудиями, которые позволили немецким танкистам на равных вести бой с Т-34 и КВ. В летней кампании на юге России участвовали многочисленные войска союзников, хотя и менее боеспособные, чем войска вермахта. Наиболее крупную группировку предоставила Румыния. Ее войска к 1 августа 1942г. насчитывала 32 дивизии и бригады, 673 067 офицеров, унтер-офицеров и солдат. Большая часть этих войск в составе 3-й и 4-й румынских армий участвовала в летнем наступлении на юге. 2-я Венгерская армия насчитывала 205 000 человек, 107 танков, 90 самолетов. 8-я Итальянская армия состояла из десяти дивизий и трех бригад общей численностью 229 000 солдат и офицеров и имела на вооружении 2906 орудий и минометов, 74 танка и САУ, 100 самолетов. В состав 17-й полевой армии вермахта входили словацкие моторизованная и охранная дивизии численностью свыше 14 000 человек. При штабах армий и штабах корпусов союзников имелись немецкие оперативные штабы связи и группы связи. К 28 июня 1942 г. противник создал на юго-западном направлении благоприятную для себя оперативную обстановку, сконцентрировал мощную ударную группировку, достигнув значительно превосходства в силах на направлении главного удара.

Прорыв на Воронеж. «Первая Прохоровка» в июле 1942 г. Старооскольское окружение части войск 40-й и 9-й армий.

28 июня войска Германии и ее союзников начали первую фазу наступательной операции «Блау (Синяя)». К исходу 29 июня немецкие соединения продвинулись на 35–40 км и вышли на линию железной дороги Касторное – Старый Оскол. Штаб 40-й армии был рассеян танками, управление войсками армии было потеряно. «Первая Прохоровка 1942 года» состоялась 30 июня – 3 июля на левом фланге Брянского фронта. В пяти танковых корпусах и четырех отдельных танковых бригадах Брянского фронта, принявших участие в танковом сражении, на 28 июня числилось 968 танков. Суммарные потери в танках войск Брянского фронта в «Первой Прохоровке» июля сорок второго года составили 719 единиц. В ночь на 3 июля немецкие танковые клинья окружили южнее Старого Оскола войска смежных флангов 21-й и 40-й армий Брянского и Юго-Западного фронтов. В «котле» оказались семь стрелковых дивизий, одна бригада, отдельные части усиления и боевого обеспечения. Среднесуточные потери советских войск в тех боях составляли 15 516 человек [7]. Потери 21-й армии в Старо-Оскольском «мешке» составили 20 129 советских воинов. 40-я армия потеряла до 39 тыс. человек личного состава и большую часть боевой техники. В плен попали около 27 тыс. военнослужащих [8]. В течение 5-6 июля враг овладел большей частью Воронежа. Между армиями Брянского и Юго-Западного фронтов возникла брешь в 300 км в ширину и в 170 км – в глубину. 7 июля немцы начали операцию «Клаузевиц», повернув войска 4-й танковой и 6-й полевой армий генералов Г.Гота и Ф.Паулюса на юг, вдоль правого берега реки Дон, с выходом на тылы десяти советских армий Юго-Западного и Южного фронтов. Для усиления войск Брянского фронта Ставка приняла решение развернуть вдоль левого берега р. Дон 3-ю, 5-ю и 6-ю резервные армии в составе 22 стрелковых дивизий и одной бригады. В район Воронежа стягивались также 18-й и 25-й танковые корпуса. 7 июля был создан Воронежский фронт в составе 60-й, 40-й и 6-й общевойсковых армий, 2-й воздушной армии, 4-го, 17-го, 18-го и 24-го танковых корпусов. Командующим фронтом был назначен генерал Ф.И. Голиков. Его место командующего Брянским фронтом занял генерал-лейтенант Н.Е. Чибисов. 14 июля произошла смена командования – Воронежский фронт возглавил опытный генштабист генерал-лейтенант Н.Ф. Ватутин, а Брянский – генерал-лейтенант К.К. Рокоссовский. Общая задача обоих фронтов – не допустить прорыва врага в обход Москвы с юга, удержать рубеж по р. Дон, закрыть разрыв на стыке Юго-Западного и Воронежского фронтов.

9 июля произошло разделение группы армий «Юг» на две части. В состав группы армий «Б» под командованием генерал-фельдмаршала Ф. фон Бока вошли 2-я и 6-я немецкие, 2-я венгерская, 8-я итальянская и формируемая 3-я румынская армии. В группу

армий «А» генерал-фельдмаршала В. Листа вошли 17-я полевая, 1-я и 4-я танковые немецкие армии.

«Вторая Прохоровка» в июле 1942 г под Землянском. Миллеровский котел и разгром армий ЮЗФ. Создание Сталинградского фронта.

«Вторая Прохоровка» в июле сорок второго произошла в полосе того же Брянского фронта между 5-й танковой армией РККА и 9-й и 11-й танковыми дивизиями вермахта. В 5-й танковой армии имелся 641 танк, у противника севернее Касторное было не более 270 танков и САУ, которые уже в течение недели вели ожесточенные бои. Попытки наступления 5-й танковой армии продолжались с 6 до 15 июля. Танкисты привлекли на себя до трех пехотных дивизий противника, но разгромить его основные силы западнее Воронежа не получилось. В десятидневных боях на рубеже р. Сухая Верейка 2-й, 7-й, 11-й танковые корпуса и 19-я отдельная танковая бригада 5-й танковой армии потеряли 7929 человек личного состава и 519 танков, из которых 261 был сожжен, 258 танков было подбито [9].

6 июля немецкие подвижные соединения овладели большей частью Воронежа и силами 24-го, 40-го и 48-го танковых корпусов развернули наступление на юг, вдоль правого берега р. Дон. Им навстречу ударили 3-й и 14-й танковые корпуса 1-й танковой армии из района севернее Ворошиловграда. 13 июля немцы перехватили дорогу Миллерово – Каменск возле хутора Верхне – Таловка и 14 июля захлопнули последнюю "щель" у хутора Водяной (ныне – село Россось). Здесь соединились части 1-й и 4-й немецких танковых армий. В кольце окружения под Миллерово оказались войска 38-й, 28-й, 57-й, 9-й общевойсковых, 7-й саперной армий – всего 16 стрелковых, 3 кавалерийских, 1 истребительная дивизии, 11 бригад, 26 артиллерийских и минометных полков усиления, 16 отдельных батальонов. К ним присоединились и выдвинутые в район западнее и севернее Миллерово 73-я и 335-я стрелковые дивизии 24-й армии, которые до этого стояли в резерве в районе Каменска. Общая численность окруженной группировки составляла более 150 000 бойцов и командиров [10]. Окружение создали 3-я танковая (охватом с востока вдоль реки Калитва), 23-я танковая (юго-восток) и 297-я пехотная немецкие дивизии (охватом с севера). С запада наступали дивизии 8-го, 44-го и 51-го немецких и 6-го румынского армейских корпусов. С юга пути отхода перехватили 14-я и 22-я танковые дивизии 3-го танкового корпуса. Всего в блокаде советских войск было задействовано до двадцати вражеских дивизий. Командование Южного фронта пыталось деблокировать «Миллеровский котел» ударом от Каменска через поселки Глубокий и Тарасовский силами Сводного танкового корпуса генерал-майора танковых войск В.М. Алексеева. В импровизированное соединение вошли три танковые и одна мотострелковая бригада. В составе боевого парка 5-й гвардейской, 15-й и 140-й танковых бригад сводного корпуса на 14-00 12 июля имелось 139 танков: 25 КВ, 59 Т-34, 55 Т-60 [11]. 41-я мотострелковая бригада, не имевшая автотранспорта, бронетехники и тяжелого вооружения, совершала ночные изнурительные марши в пешем строю. 5-я гвардейская танковая бригада 13-14 июля безуспешно атаковала противотанковые узлы обороны 22-й немецкой танковой дивизии в направлении Тарасовский – Верхне-Таловка. 15-я танковая бригада наступала вместе с частями 335-й стрелковой дивизии из совхоза «Тарасовский» на высоты севернее хутора Верхне-Тарасовский. Эти атаки успеха не имели. 140-я танковая бригада потеряла матчасть 13-14 июля в тяжелых боях с немецкой 14-й танковой дивизией у хутора Колодезный. Бригада атаковала от хутора Весенний на Колодезный, где и была окружена. Прорвать «коридор» не удалось, окружение осталось замкнутым. Потери сводного корпуса только в танках составили 95 единиц. К утру 15 июля танковая группа генерала Алексеева переправилась на правый берег реки Северский Донец в районе Каменска, имея в своем составе 46 уцелевших танков разных марок. 17 июля штаб 4-й танковой армии доложил: Остатки советских частей, попавших в окружение, оттесненные с западного фланга на участок 40-го танкового корпуса, были уничтожены. В результате этих боев было захвачено в плен еще 21 тысяча человек [12]. Немецкое верховное командование после зачистки Миллеровского «котла» заявило о захвате 422 орудий, 109 танков, 15 самолетов, 73 450 военнопленных. Фактически, под Миллерово были окончательно разбиты армии Юго-Западного фронта. Штабы 21-й, 28-й, 38-й, 57-й армий, без войск и тылов, «отскочили» за р. Дон. Штаб фронта откатился в Сталинград. 12 июля решением Ставки ВГК был сформирован Сталинградский фронт на

базе штаба Юго-Западного фронта. Командующим был назначен маршал С.К. Тимошенко, которого через 10 дней сменил генерал-лейтенант В.Н. Гордов. В состав нового объединения вошли 62-я, 63-я и 64-я армии (бывшие 7-я, 5-я и 1-я резервные), штабы и остатки войск 21-й, 28-й, 38-й и 57-й армий разгромленного Юго-Западного фронта, а также 8-я воздушная армия и Волжская военная флотилия [13].

Оборонительные бои Южного фронта в Восточном Донбассе. Донские переправы. Директива № 45 об одновременном наступлении на Сталинград и Кавказ – стратегический просчет Гитлера.

Южный фронт, имевший к середине июля в своем составе 23 стрелковых дивизии и 4 стрелковых бригады, оборонял полосу шириной 315 км. В первой линии обороны было только четырнадцать стрелковых дивизий, что составляло 23-25 км фронта на одну дивизию. 9 июля в состав фронта были переданы войска 9-й, 28-й, 38-й, 57-й армий Юго-Западного фронта, потерявшие связь со штабом фронта. Командованию Южного фронта установить связь удалось только со штабом 9-й армии. Остальные армейские управления поспешно переправлялись через Дон в широкой полосе от станицы Казанской до Серафимовича. Решением Военного совета Южного фронта в ночь на 10 июля 37 армия отводилась на Лисичанский обвод с задачей его прочного удержания в течение дня 10 июля. Остальные армии фронта обороняли прежние рубежи. В ночь на 11 июля правое крыло фронта – 37-я армия генерала П.М.Козлова отводилась на рубеж Федчин, Трехизбенка; 12-я армия генерала А.А.Гречко отходила на Ворошиловградский сектор рубежа "К". Об отводе войск правого крыла фронта был проинформирован командарм – 9 генерал-лейтенант А.И. Лопатин. 18-я и 56-я армии Южного фронта до 17-18 июля прочно удерживали хорошо подготовленные оборонительные позиции по левому берегу р. Миус и высотам восточнее сел Ряженое, Курлацкое, Самбек, Вареновка. 12 июля полоса к юго-западу от р. Дон, неприкрытая нашими войсками, все расширялась. Из четырех армий, переданных Южному фронту и действовавших на этом направлении, организованное сопротивление оказывала только 9-я армия, отходившая с рубежа Новострельцовка, Беловодск в юго-восточном направлении. Против войск 9-й, 24-й и 37-й армий Южного фронта в полосе между р. Дон и р. Северский Донец с севера наступало три армии противника, из них две танковые. В составе этих армий было одиннадцать корпусов в составе 33 дивизий, в том числе семь танковых и 4 моторизованные дивизии. Южный фронт на своем правом крыле, против наступающей немецкой группировки, имел всего 12 стрелковых дивизий, четыре танковых и одну мотострелковую бригады и остатки 14-го танкового и 5-го кавалерийского корпусов. К этому времени, в связи с перемещением армейских баз, фронтовых и армейских складов, а также вследствие удлинения путей подвоза, запасы боеприпасов, горючего и продовольствия в войсках значительно уменьшилось и войска правого крыла Южного фронта начали ощущать перебои в снабжении. Для прикрытия с севера железнодорожного участка Морозовский – Тацинская была создана группа под командованием генерал-майора К.А. Коротеева в составе фронтовых курсов младших лейтенантов и 174-го запасного стрелкового полка. Группа имела задачу занять отдельными отрядами оборону на рубеже Милютинская, совхоз Григоровский, Ильинка. Передовые части 29-й моторизованной дивизии противника, охватывая правый фланг группы генерала Коротеева, днем 15 июля захватили Морозовский. С выходом противника в район Морозовский, была перерезана основная железнодорожная коммуникация, по которой осуществлялось снабжение войск фронта и эвакуация. 17 июля противник, продолжая беспрепятственно продвигаться из района Тацинская в южном направлении, к исходу дня танковой колонной 4-й танковой армии вышел в район Лисичкин (50 км южнее Тацинская). В районе станицы Калитвенская в 14 часов 17 июля противник форсировал р. Северский Донец и, преодолев сопротивление частей 3-го гвардейского стрелкового корпуса, к исходу дня силами до двух полков пехоты с 40 танками овладел Верхний Сазонов, ст. Репная, Верхне – Ясенеvский. На ворошиловградском направлении противник, обнаружив отход наших войск, перешел в наступление и захватил силами 4-го армейского корпуса оставленный нашими войсками Ворошиловград. Противник, переправив ночью на 18 июля на захваченный плацдарм у Калитвенская 22-ю танковую дивизию, к концу дня 18 июля вышел в район Трифонов, Чернецов, отбросив части 3-го гвардейского стрелкового корпуса. В то же время дивизии 44-го армейского корпуса, переправившись на правый берег р. Северский Донец, захватила г. Каменск-Шахтинский. Из-за частых

перемещений дивизионных, корпусных и армейских штабов, проводной связи между ними не было, и связь с большими пере боями осуществлялась только по радио и самолетами. Штабы армий не имели достаточно точных данных о противнике и часто доносили в штаб фронта непроверенные данные о сосредоточении войск и движении танковых колонн противника, которых в действительности не было. Неточные данные о противнике вводили в заблуждение командование и штаб фронта. В полосе от Каменска до Куйбышево немцы, медленно продвигаясь, вели бои с арьергардами отводившихся войск 12-й и 18-й армий. В полосе обороны 56-й армии противник по-прежнему активности не проявлял, создавая в районе западнее Матвеева Кургана группировку войск для нанесения удара на Ростов с запада. В полосе 37-й армии обстановка складывалась также неблагоприятно. Штаб 3-го гвардейского корпуса связи со своими дивизиями не имел, и они отходили самостоятельно. Танковая группа генерала Алексева частью сил вела бои в районе Мокрый Лог совместно с остатками 275-й стрелковой дивизии и частью сил отходила к Новочеркаску. Уникальное по результативности танковое сражение разыгралось на подступах к Раздорской переправе. 21 июля 1942 года танковая колонна противника, в состав которой входило более 150 единиц тяжелой техники (танки, бронемашин, орудия противоздушной обороны) при поддержке мотопехоты, имея задачей одной колонной с ходу овладеть г. Шахты, а второй продвинуться на г. Новочеркасск двигалась степью и проселочными дорогами по направлению от хутора Мокрый Лог на хутор Мокрый Керчик, где колонна должна была разделиться. С целью задержать продвижение противника и тем самым не допустить выхода его на переправы реки Дон, командование Южного фронта приняло решение бросить против него 15-ю танковую бригаду. Исходя из рельефа местности командиром 15-й танковой бригады майором Василием Сидоровичем Савченко было принято решение организовать силами 1-го танкового батальона (командир – ст. лейтенант В.З. Васильков) танковые засады на пересечении проселочных дорог в районе хуторов Мокрый Лог и Мокрый Керчик. В бою со стороны 15-й танковой бригады принимало участие всего четырнадцать танков – шесть тяжелых «КВ-1» и восемь «Т-34». В результате танкового боя, который длился от 3 до 5 часов, потери противника составили: 94 танка, 14 бронемашин, 124 автомашины, 8 орудий ПТО, 2 трактора, 3 миномета и более 700 солдат и офицеров противника. Только экипаж танка «КВ-1» старшего лейтенанта Н.Ф. Гаузова, выполняя поставленную перед ним задачу, уничтожил 16 немецких танков, 2 бронемашин, 1 орудие ПТО и 10 автомашин с солдатами и офицерами врага. Сам Николай Федорович был тяжело ранен в правую ногу.

Штаб 37-й армии связи с танковой группой не имел и положения ее частей не знал. Немцы, обнаружив отход войск правого фланга 56-й армии во второй половине дня 20 июля, перешли в наступление силами 125-й и 73-й пехотных дивизий. К 21-00 противник, преодолев сопротивление арьергардов 31-й и 30-й стрелковых дивизий, оставленных на р. Миус, овладел рубежом Красный, Марьевка, Политотдельское, Дахнов и несколько потеснил части 30-й стрелковой дивизии. Отход войск 56-й армии сорвал готовящийся немцами удар на ростовском направлении с запада, и они были вынуждены перейти в наступление, преследуя отходившие войска 56-й армии, не закончив сосредоточение ударной группировки.

На переправах через р. Дон в районах Раздорская, Мелиховская, Багаевская, Аксайская и Ростов во второй половине июля создалось напряженное положение. Переправа войск производилась по мостам, на пароме, на подручных средствах и вплавь. Вследствие плохой организации и сильного воздействия авиации противника, переправа войск 24-й, 37-й, 12-й армий задерживалась. У переправ скопилось много техники и обозов, что создавало нервную обстановку и вносило путаницу в порядок переправы войск. Из-за отсутствия в армиях планов переправ, 21 июля войска и тылы армий, не зная своих маршрутов, выдвигались к переправам самостоятельно, вследствие чего на переправах создались заторы, беспорядок и путаница в очередности переправы. Для наведения порядка потребовалось вмешательство Военного совета фронта, члены которого лично наводили порядок на основных переправах. В течение ночи в районе Багаевская переправились штабы 37-й армии, 3-го гвардейского стрелкового корпуса, 2-я гвардейская и один полк 230-й стрелковых дивизий, тылы различных соединений армии и частично материальная часть 5-й гвардейской и 15-й танковой бригад. Вследствие недостаточной грузоподъемности моста в Багаевской, средние и тяжелые танки (Т-34 и КВ) этих бригад не представлялось возможным переправить на левый берег Дона. Во второй половине дня 22 июля прямым попаданием авиабомбы мост в

Багаевской был разрушен и переправа пехоты продолжалась на подручных средствах. 228-я и 341-я стрелковые дивизии и некоторые части 37-й армии были вынуждены отойти к станицам Старочеркасская и Аксайская, где они переправились на левый берег Дона только к исходу 23 июля. Части 295-й стрелковой дивизии и 41-й мотострелковой бригады, переправлявшиеся в районе Раздорская и Мелиховская, не смогли в течение ночи 22 июля полностью переправиться через р. Дон. Противнику удалось подойти к этим переправам и оттеснить от них оставшиеся советские подразделения, солдаты и офицеры которых были вынуждены переправляться вплавь. На 25 июля в пяти армиях Южного фронта оставалось 96 388 бойцов и командиров [14].

Высшее немецкое командование, в первую очередь Гитлер, в эйфории от июльских успехов, 23 июля передало в войска директиву №45. Согласно директиве, оси наступления групп армий «А» и «Б» расходились под прямым углом, на два независимых операционных направления – на сталинградское и кавказское. Резко ослаблялась ударная мощь группы армий «А». В период с 23 по 25 июля из нее в состав 6-й полевой армии Паулюса передавались 14-й и 48-й танковые корпуса, 11-й армейский корпус. 11-я полевая армия фельдмаршала Э. фон Манштейна, первоначально предназначавшаяся для переправы на Тамань и для наступления на Кавказе, теперь основными силами перемещалась под Ленинград с основной массой тяжелой артиллерии РКК. Моторизованные дивизии: «Лейбштандарт СС «Адольф Гитлер» и «Великая Германия» выводилась в резерв верховного командования (ОКВ). 30 июля с кавказского направления на сталинградское была повернута 4-я танковая армия вермахта. Ослабленная группа армий «А» начала операцию «Эдельвейс» без надежды на успех. Сталинградское направление с конца июля незаметно, но неотвратимо становилось основным. В этом состоял стратегический просчет Гитлера. Из-за коммуникаций он не успевал обеспечивать резервами и ГСМ оба операционных направления на южном крыле советско-германского фронта. Советское командование быстрее проводило накопление и сосредоточение сил и средств на Сталинградском направлении. Огромную стратегическую роль играла в этот критический для советского командования период вступившая в действие железная дорога Махачкала – Кизляр – Астрахань, по которой сплошным потоком шли цистерны с ГСМ и платформы с грузами ленд-лиза, поставляемых по «иранскому коридору» из США, Великобритании, английских доминионов в Юго-Восточной Азии. При продвижении к Сталинграду фронт немецких войск растягивался, что вынуждало немецкое командование ставить на фланги армии союзников (2-ю венгерскую, 8-ю итальянскую, 3-ю, а затем и 4-ю румынские армии), которые по качеству личного состава и вооружению уступали немецким войскам.

Оборона Ростова-на-Дону и Новочеркасска. Начало операции «Эдельвейс» - прорыв на Кавказ. Приказ № 227 «Ни шагу назад!» и его значение.

13 июля Гитлер приказал генерал-полковнику Э. фон Клейсту повернуть корпуса его 1-й танковой армии на запад, навстречу дивизиям 17-й армии генерал-полковника Р. Руофа и встречными ударами танковых и армейских корпусов окружить и уничтожить севернее Ростова главные силы шести советских армий Южного фронта. Для этой операции Вильгельм Лист выделил восемнадцать дивизий, в том числе шесть танковых и моторизованных, всего до 260.000 солдат и офицеров, 616 танков и штурмовых орудий, свыше 4000 орудий и минометов. С воздуха поддержку обеспечивали эскадры 4-го воздушного флота генерала Вольфрама фон Рихтгофена (свыше 400 истребителей и бомбардировщиков). В составе шести армий Южного фронта к 19 июля насчитывалось: 31 стрелковая дивизия, 7 танковых и 4 стрелковых бригады, 4 укрепрайона, 5 дивизионов бронепоездов, 28 артиллерийских полков и 12 отдельных дивизионов артиллерии усиления. С воздуха эту полумиллионную группировку прикрывали 13 авиополков 4-й воздушной армии генерал-майора авиации К.А. Вершинина (всего 130 исправных самолетов всех типов). Ведя сдерживающие бои, армии фронта, кроме 56-й, стремились отойти за р. Дон по девяти переправам в полосе от Константиновской до Ростова-на-Дону. Командующий Южным фронтом генерал-лейтенант Р.Я. Малиновский 18 июля оперативной директивой № 0408 определил порядок организации обороны по рубежу нижнего течения р. Дон. 56-я армия генерал-майора А.И. Рыжова получила приказ обеспечивать отвод главных сил фронта (12-я, 18-я, 37-я армии) на левый берег Дона, удерживая внешний обвод Ростовского оборонительного района. В течение 19–20 июля двумя ночными переходами четыре дивизии и пять бригад 56-й армии

– всего 60 587 бойцов и командиров, организованно отошли с миусских рубежей на внешний обвод Ростовского оборонительного района. Ростовский оборонительный район (РОР) занимал на правом берегу Дона участок в 155 км по фронту и от 20 до 30 км в глубину, опоясывая города Ростов и Новочеркасск четырьмя рубежами обороны: «Г», «А», «Тыловой» и «Городской». Все рубежи инженерно-саперными войсками и ростовчанами были оборудованы противотанковыми рвами, эскарпами, надолбами, проволочными заграждениями, минными полями, фугасами, имели 80 ДОТов. Ростовский оборонительный район имел гарнизон из 70-го (комендант – подполковник Д.В. Гордеев) и 158-го (комендант – подполковник Л.В. Косоногов) укрепленных районов – всего 12 отдельных пулеметно-артиллерийских батальонов и 6 траншейно-огнеметных рот общей численностью 8878 бойцов и командиров, которые занимали первые два рубежа обороны – «Г» и «А». Части 9-й мотострелковой дивизии НКВД и 222-го стрелкового полка народного ополчения получили боевую задачу оборонять тыловой рубеж по западным, северным и восточным окраинам города. Боевым распоряжением № 00274 от 20 июля 1942 г. штаб 56 армии определил участки обороны всем соединениям и частям армии и приказал занять эти рубежи обороны к шести часам утра 21 июля. Но одновременного занятия рубежей по внешнему обводу Ростовского оборонительного района не получилось по многим причинам. К утру 21 июля оборону успели занять более легкие и мобильные соединения – 16-я курсантская, 68-я, 76-я, 81-я морские отдельные стрелковые бригады, а на правом фланге, от Новочеркасска до р. Дон – 347-я Краснодарская дивизия и 63-я танковая бригада, в которой оставалось двадцать шесть боеготовых танков. Эти соединения огнем с закрытых позиций поддерживали пять артиллерийских полков РК. Противотанковый резерв командующего артиллерией 56-й армии генерал-майора артиллерии Г.С. Кариофилли составили 756-й противотанковый артполк, 56-й батальон ПТР, 4-я рота СИТ (собак-истребителей танков) и инженерно-саперная рота с запасом противотанковых мин на грузовиках. Стрелковые дивизии вступали в бой с марша, по мере подхода сменяя бригады армии, через позиции которых непрерывным потоком текли на юг, за Дон, отступающие войска Южного фронта. Это отрицательно влияло на устойчивость обороны. 21 июля соединения 1-й танковой и 17-й полевой армий вермахта, преследуя арьергарды 18-й, 12-й и 56-й армий Южного фронта, вышли к переднему краю Ростовского оборонительного района. 3-й танковый корпус генерала Макензена, отбросив остатки 63-й и 136-й отдельных танковых бригад на южный берег р. Тузлов, овладел пригородом Новочеркасска – поселком Хотунок, но был остановлен частями 347-й Краснодарской стрелковой дивизии, поддержанной огнем трех артиллерийских полков. Оценив сложность штурма Новочеркасска в лоб, Макензен перебросил 36-й танковый полк 14-й дивизии западнее, в полосу 22-й танковой дивизии, создав кулак из 260 бронированных машин на узком участке фронта прорыва у хутора Буденовский. 57-й танковый корпус генерала Кирхнера до вечера сдерживали 339-я Ростовская и 30-я Иркутская стрелковые дивизии, которые в ходе дневного боя уничтожили 43 танка и танкетки, 18 грузовиков и до двух батальонов мотопехоты. 16-я курсантская и 68-я морская стрелковые бригады вели бои в западном секторе Ростовского оборонительного района, в полосе Хапры, Чалтырь, Междорожный, с передовыми частями 17-й полевой армии Рихарда Руофа.

В течение ночи с 21 на 22 июля командующий 56-й армии генерал А.И. Рыжов приказал сменить на внешнем оборонительном обводе 16-ю, 68-ю, 76-ю и 81-ю стрелковые бригады полками 30-й Иркутской, 339-й Ростовской и 31-й Сталинградской стрелковых дивизий, а бригады вывести на второй и третий рубежи обороны, увеличивая ее в глубину. 30-я полковника Б.Н.Аршинцева и 31-я генерал-майора М.И.Озимины дивизии за короткую июльскую ночь сменили 16-ю, 68-ю и 81-ю бригады, а 339-я дивизия полковника П.И. Морозова этого не сделала. 76-я морская бригада осталась с тремя батальонами дожидаться смены. Вечером 21 июля немцы разбомбили в селе Большие Салы штаб 76-й бригады, погибло тридцать два человека, свыше ста было ранено и контужено. Немецкая авиация господствовала в небе. Только в полосе обороны 76-й бригады (Генеральское – Несветай) с 4.00 до 16.00 отмечено более 250 самолето-вылетов. наших самолетов отмечено на этом участке всего пять. Немецкие саперы всю ночь делали проходы в наших минных полях и противотанковых рвах, полевая артиллерия противника вела пристрелку, к передовой подтягивались танки и грузовики с пехотой. 22 июля, после получасовой массивной артиллерийско-минометной подготовки и ударов авиации, в шесть часов утра, немцы начали

штурм Ростова, действуя двумя бронированными кулаками, по 250-260 танков в каждом, с северо-запада, через село Султан-Салы, на Ростов и с севера, через хутор Щепкин, на Аксайскую переправу. 8-й авиакорпус генерала Фибига, совершил тысячу самолето-вылетов, бомбо-штурмовыми ударами прокладывая дорогу колоннам танков и мотопехоты. На участке шириной в 37 км оборонялись лишь части отошедшей 30-й стрелковой дивизии, три батальона 76-й отдельной морской стрелковой бригады и пять пульбатов 158-го укрепрайона. Против этих слабых сил противник сосредоточил около девяти дивизий, и, захватив невзорванными мосты через противотанковые рвы, преодолел сопротивление войск 56-й армии и к исходу дня 22 июля прорвал оборону западного фаса обвода «Г» и подошел к обводу «А». Резервов для отражения атак противника у командующего армией к этому времени не было. Командующий фронтом, не имея точных данных об обстановке, своевременно не усилил армию, а 20 июля даже приказал командарму-56 Рыжову к утру 23 июля вывести в резерв фронта одну стрелковую дивизию и две стрелковые бригады и сосредоточить их в районе Батайск и Койсуг. Приказ командующего фронтом Малиновского от 22 июля об оказании помощи 56-й армии силами 18-й армии был запоздалым и не мог быть выполненным, так как к моменту приказа войска 18-й армии генерал-лейтенанта Ф.В. Камкова были уже на левом берегу р. Дон.

Воины 30-й, 339-й дивизий, 76-й и 81-й морских стрелковых бригад проявили массовый героизм и самопожертвование, но сдержать армаду из 500 танков и тысяч грузовиков, бронетранспортеров и мотоциклов не сумели. К вечеру враг ворвался в Ростов-на-Дону. Отчаянной атакой пятьдесят шесть собак-истребителей танков 3-й роты СИТ капитана Иванча подорвали 24 немецких танка. Всего немцы потеряли 22 июля только в полосе 30-й дивизии до восьмидесяти танков и самоходно-артиллерийских установок, сорок автомашин, до полутысячи солдат и офицеров. Огромными были и потери наших войск [15]. В течение 23 и 24 июля непрекращающиеся бои шли на всех четырех рубежах Ростовского оборонительного района и в самом Ростове. Ожесточение с обеих сторон достигло предела. До вечера 24 июля 347-я Краснодарская дивизия вместе с 31-й Сталинградской дивизией прочно удерживала подступы к Новочеркасску, подвергаясь непрерывным ударам авиации, артиллерии и атакам двух танковых и двух моторизованных дивизий генерала Макензена с севера и запада. Вдоль шоссе Ростов-Новочеркасск сражался 1-й батальон капитана В.А. Мокиенко из 81-й морской бригады. Моряки уничтожили до 500 панцергренадеров 14-й танковой дивизии генерал-лейтенанта Фердинанда Гейма. В боях за Ростов и Новочеркасск только моряки 68-й, 76-й, 81-й бригад и 14-го гвардейского минометного дивизиона «катюш» вывели из строя сто двадцать танков, восемьдесят шесть автомашин, тридцать два мотоцикла с пулеметными колясками, свыше шести тысяч пятисот немецких солдат и офицеров. Потери моряков составили более семи с половиной тысяч убитыми, ранеными и пропавшими без вести. Уличные бои в Ростове-на-Дону продолжались более двух суток. Операция описана генералом Альфредом Рейнгардтом, в июле сорок второго командовавшего 421-м пехотным полком 125-й Вюртембергской дивизии. Он рассказывает о крайне кровопролитных уличных схватках, в которых немецким штурмовым группам с танками, орудиями и огнеметами приходилось отбивать дом за домом, прокладывая себе путь через забаррикадированный центр города. В своем отчете об операции генерал Рейнгардт писал: «Сражение за центр Ростова велось беспощадно. Защитники его не желали сдаваться в плен, они дрались до последнего дыхания и, если их обходили, не заметив, даже раненые, они вели огонь из своего укрытия до тех пор, пока не погибали» [16]. Это признание врага мужеству и доблести воинов-чекистов 9-й дивизии НКВД и бойцов 222-го Ростовского полка народного ополчения майора М.А. Варфоломеева. Неравные ожесточенные схватки продолжались всю ночь и весь день 24 июля. Как отмечает генерал Пауль Карелль в своей книге «Восточный фронт»: «Подобных сражений, вероятно, никто и никогда еще прежде не вел. Такие бои разгорелись бы, наверное, на улицах Москвы и Ленинграда, если бы немцам удалось войти туда» [17]. Лишь к половине шестого утра 25 июля штурмовые группы вермахта в черте Ростова-на-Дону вышли на берег Дона, затянутого дымом пожарниц. Сражение сместилось на левый берег Дона. К исходу 25 июля южнее Батайска, в Ольгинской и прилегающих станицах и хуторах стали сосредотачиваться остатки частей и соединений 56-й армии – 13 127 бойцов и командиров. За пять суток сражения потери армии превысили пятьдесят тысяч воинов [18]. Немецкие, румынские и словацкие войска также понесли большие потери, особенно в танках,

автотранспорте и живой силе. Эти потери и интенсивность битвы за Ростов опровергают ошибочную оценку Верховного Главнокомандующего И.В.Сталина, данную им в приказе №227. Жертвы, понесенные советскими воинами в июльском сражении за Ростов-на-Дону, не были напрасными. Поворот главных сил вражеской группы армий «А» на Ростов, с целью окружения и уничтожения в «Ростовском котле» главных сил Южного фронта стал ошибочным решением Гитлера. Было потеряно десять суток, которые советское командование использовало для развертывания 63-й, 62-й и 64-й армий на сталинградском направлении. Пожертвовав 56-й армией, Родион Яковлевич Малиновский вывел главные силы Южного фронта из наметившегося окружения севернее Ростова на левый берег Дона. Изъятие по приказу Гитлера после захвата Ростова из состава группы армий «А» девяти немецких дивизий, в том числе двух танковых и моторизованной, лишило фельдмаршала Листа оперативных резервов в операции «Эдельвейс» по захвату Кавказа и обрекло эту операцию на неудачу. «Персидский коридор» поставок военных грузов по ленд-лизу остался неперекрытым немцами в самый кризисный момент для СССР. В целом, приказ № 227 сыграл огромную морально-психологическую и мобилизующую роль в наведении порядка не только в Действующей армии, но и в тылу.

«Третья Прохоровка» в июле 1942 г. у г.Калач-на-Дону. Встречные сражения на подступах к Сталинграду в августе 42 г. Прорыв противника к Волге и начало уличных боев в Сталинграде.

Третья «Прохоровка» состоялась на Сталинградском фронте 25 июля – 3 августа у города Калач-на-Дону, Северная группировка 6-й армии Паулуса утром 23 июля атаковала правый фланг 62-й армии на фронте Клетская, Евстратовский, нанеся удар в юго-восточном направлении, а утром следующего дня немцы перешли в наступление также из района Перелазовский, Липовский на Манойлин. В ходе двухдневных ожесточенных боев к исходу 24 июля они прорвали фронт 62-й армии, окружив 192, 184-ю стрелковые дивизии и 40-ю танковую бригаду, и главными силами вышли в район Верхне-Бузиновка, Осиновка, Сухановский. К исходу 26 июля германские передовые части прорвались к Дону в район Малооголубая, Голубинский и Мостовский. 24 июля командование Сталинградского фронта приняло решение ликвидировать прорвавшуюся к Дону неприятельскую группу концентрическими ударами подвижных соединений из резерва фронта, а также частью сил 21-й и 62-й армий. Выполнение этой задачи возлагалось на формировавшиеся на базе полевых управлений 38-й и 28-й армий 1-ю и 4-ю танковые армии, которые должны были нанести контрудар: 1-я армия генерал-майора артиллерии К.С. Москаленко из района Калач в направлении на хутор Липологовский 25 июля и 4-я армия генерала В.Д. Крюченкина из района станиц Трехостровская, Качалинская в направлении Верхне-Бузиновка 27 июля. Одновременно переходили в наступление ударные группировки 21-й армии из района Распопинская на Цымловский и 62-й армии из района Плесистовский, Добринский на Манойлин с задачей восстановить связь с окруженными стрелковыми дивизиями и танковой бригадой. В 1-ю танковую армию входили 131-я и 399-я стрелковые дивизии, 13-й танковый корпус полковника Т.С. Танасчишина (157 танков и 10 бронемашин), 28-й танковый корпус полковника Г.С. Родина (178 танков) и 158-я отдельная тяжелая танковая бригада подполковника А.В. Егорова (40 КВ). Формально в армии числился еще 23-й танковый корпус (161 танк) генерал-майора А.М. Хасина, но до 30 июля он действовал на левом фланге 62-й армии вне оперативной связи с остальными соединениями 1-й танковой армии. В состав 4-й танковой армии входили 18-я и 205-я стрелковые дивизии и 22-й танковый корпус (180 танков) генерала А.А. Шамшина. Однако все эти корпуса, бригады, дивизии не имели связи между собой, не были готовы к слаженным боевым действиям, у командармов не хватило времени даже познакомиться с собственными войсками, не говоря об отработке взаимодействия и управления. За 7 дней боев 1-я танковая армия уничтожила и захватила 116 вражеских танков и более 90 орудий разных калибров. Противник потерял убитыми и ранеными до 14,5 тысяч солдат и офицеров [19]. В течение семидневных боев 23-й танковый корпус потерял подбитыми и сожженными 147 танков (90 Т-34, 35 Т-70, 22 Т-60). На 6 августа в строю оставалось 13 танков. За это же время корпус уничтожил 70 немецких танков, 9 противотанковых орудий и до 1600 солдат и офицеров противника. Корпус боевой задачи не выполнил, липологовской группировки противника не уничтожил и 5 августа был вынужден перейти к обороне. 133 танка потерял 28-й танковый корпус, в котором после недели боев

осталось 45 танков [20]. Если суммировать потери бронетехники в танковых корпусах и в 158-й и 40-й отдельных танковых бригадах, с учетом 252 танков (126 Т-34 и 126 Т-60) из состава 644-го, 645-го, 648-го, 649-го, 650-го, 651-го отдельных танковых батальонов 62-й армии, потерянных в боях в конце июля – начале августа, то итоговая цифра потерь в бронетехнике составит 944 боевые машины [21]. 11 августа командующий 6-й полевой армией вермахта Фридрих Паулюс доложил в штаб группы армий «Б» об уничтожении западнее Калача более 1000 советских танков. К 6 августа 1-я танковая армия потеряла большую часть своего состава и была расформирована. Ее остатки подчинили 62-й армии. 4-я танковая армия сохранила свое название, но пополнения для танковых частей не получила и бойцы иронически называли ее «четырёхтанковая армия». Несмотря на большие потери, 1-й и 4-й танковым армиям удалось предотвратить окружение 62-й армии и остановить продвижение 6-й армии к Сталинграду.

В августе накал боев в большой излучине Дона только нарастал. Обе противоборствующие стороны наращивали свои группировки под Сталинградом. С кавказского на сталинградское направление была повернута 4-я танковая армия Германа Гота. На среднем Дону дивизии и бригады 8-й итальянской армии сменяли 11-й и 17-й немецкие армейские корпуса, которые усилили 6-ю армию Паулюса. 4 августа последовал приказ Ставки ВГК о формировании к 9 августа управления Юго-Восточного фронта на базе штаба 1-й танковой армии. На следующий день последовала директива Ставки о разделении войск Сталинградского фронта на два фронта – Сталинградский и Юго-Восточный. 7 августа в командование Юго-Восточным фронтом вступил генерал-полковник А.И. Еременко. 9 августа Еременко был подчинен и Сталинградский фронт, в командование которым он вступил 13 августа [22]. Заместителем по Сталинградскому фронту стал предыдущий командующий – генерал-лейтенант В.Н. Гордов, который руководил действиями армий фронта всего 20 суток, с 23 июля по 13 августа 1942 г. В первой декаде августа в большой излучине Дона произошло два события: в районе западнее г. Калач-на-Дону была окружена и разбита 62-я армия генерала В.М. Колпакчи, а в районе станции Абганерово и разъезда 74 км на линии железной дороги Котельниково-Сталинград в ходе контрудара войск 64-й армии генерала М.И. Шумилова остановлен прорыв 4-й танковой армии Гота к южным окраинам Сталинграда.

В воскресенье, 23 августа ударная группировка 6-й армии Паулюса в составе 14-го танкового и 8-го армейского корпусов перешла в наступление с плацдарма в районе хуторов Вертячий и Песковатка. С воздуха прорыв танковых колонн генерала фон Виттерстейма поддерживали пикирующие бомбардировщики Ю-87 «Штука». К 17-00 немецкие танки вышли к Волге севернее Сталинграда в районе поселков Латашинка, Рынок, оказавшись в 2–3 км от окраин тракторного завода. От Дона до Волги протянулся 60-км коридор шириной 8 км, разрезавший Сталинградский и Юго-Западный фронты. В 16 часов 18 минут 4-й воздушный флот генерал-полковника Вольфрама Рихтгофена начал массированные бомбардировки Сталинградцы, совершив до 2000 самолето-вылетов. Город был разрушен, погибли десятки тысяч мирных жителей. Через неделю начались бои непосредственно в Сталинграде и его пригородах. Отрезанная от главных сил фронта 62-я армия в тяжелых боях удержала северную и западную окраины города, не позволив Паулюсу сходу овладеть Сталинградом. 25 августа штаб городского комитета обороны во главе с первым секретарем обкома ВКП(б) А.С. Чужановым объявил о введении в Сталинграде осадного положения. 29 августа 4-я танковая армия Г. Гота, наступая с юга, прорвала фронт 64-й армии. С потерями войска армии отошли на рубеж обороны по р. Червленная. В этот же день под Сталинград прибыл представитель Ставки ВГК генерал армии Г.К. Жуков. Ставка направила из своего резерва к месту прорыва севернее Сталинграда 24-ю и 66-ю армии и пополнила 1-ю гвардейскую армию. 3 сентября Жукову позвонил И.В. Сталин. Верховный был краток: «Положение со Сталинградом ухудшилось. Противник в трех верстах от Сталинграда. Сталинград могут взять сегодня или завтра, если северная группировка войск не окажет немедленной помощи. Потребуйте от командующих войсками, стоящими к северу и северо-западу, немедленно ударить по противнику и прийти на помощь сталинградцам» [23]. На Жукова было возложено непосредственное руководство всеми войсками, привлекавшимися к ликвидации прорвавшихся к Волге немецких войск и восстановлению обороны советских войск в районе Сталинграда.

Сражения севернее Сталинграда в междуречье Волги и Дона и уличные бои в Сталинграде. Сталинградский «магнит» – точка приложения сил и средств Гитлера и Сталина в сентябре-ноябре 1942 г.

Для наступления севернее Сталинграда привлекались войска 1-й гвардейской армии генерал-майора И.М.Чистякова (38-я, 39-я, 41-я гвардейские, 24-я, 64-я, 84-я, 116-я, 315-я стрелковые дивизии, 4-й, 7-й, 16-й танковые корпуса), 24-я армия генерал-майора Д.Т.Козлова (173-я, 292-я, 308-я, 221-я, 207-я стрелковые дивизии, 217-я танковая бригада), 66-я армия генерал-лейтенанта Р.Я.Малиновского (49-я, 99-я, 120-я, 231-я, 299-я стрелковые дивизии, 10-я, 69-я, 148-я, 246-я танковые бригады). Часть этих войск (24, 64, 84, 315 стрелковые дивизии, 4-й и 16-й танковые корпуса уже десять дней вели боевые действия в составе группы генерал-майора К.А.Коваленко и понесли большие потери. Матчасть танковых корпусов пришлось свести в две сводные танковые бригады. Фактически не было гаубичной артиллерии, а пехота совершала своим ходом изнурительные марш-броски и сходу вводилась в бой. 3 сентября, без артиллерийского усиления и прикрытия с воздуха истребительной авиацией, 1-я гвардейская армия была брошена в наступление в направлении совхоза Котлубань, Самофаловка, Гумрак. Немцы сорвали атаку упреждающим артогнем и массированными ударами авиации. 5 сентября, прямо после 50 км марша, в наступление перешли войска 24-й и 66-й армий. Восемнадцать стрелковых дивизий и тринадцать танковых бригад на фронте в 40 км атаковали части 16-й танковой, 3-й и 60-й моторизованной (шесть полков мотопехоты и два танковых полка) часть сил 76-й пехотной дивизии. Девять дней, с 3 до 12 сентября включительно, советские войска атаковали в лоб немецкие опорные пункты у хуторов Бородкин, Кузьмичи, разъезд 584 км, неся огромные потери от артиллерийско-минометного огня и штурмовых ударов авиации противника. Так, 7-й танковый корпус потерял 156 танков из 191, имевшегося перед наступлением. Потери стрелковых дивизий, главным образом пехоты, «активных штыков», составляли, в среднем, по 4000 человек на каждую дивизию [24].

После провала первого наступления советское командование немедленно подготовило новое. Прибывающие на Воронежский фронт из резерва Ставки ВГК 233-я, 258-я, 260-я, 273-я стрелковые дивизии были повернуты под Сталинград, срочно пополнены бронетехникой танковые корпуса и бригады. Главный удар наносился в стыке 8-го армейского и 14-го танкового немецких корпусов в направлении Гумрак – Городище. 21-й армии генерал-майора А.И. Данилова ставилась задача по захвату и расширению плацдармов на Дону в районе Клетская, Серафимович, Сиротинская. Для наступления были сосредоточены 20 стрелковых дивизий, 19 танковых бригад (до 600 танков), 12 артиллерийских и 1 минометный полки, 14 полков и 2 дивизиона реактивной артиллерии. Наступление Сталинградского фронта с севера должен был поддержать Юго-Восточный фронт силами ударных группировок 62-й (три стрелковых дивизии и танковая бригада), 64-я (две стрелковых дивизии и 13-й танковый корпус) армий, прикрываемых с воздуха основными силами авиации 8-й воздушной армии. 18 сентября, после получасовой артподготовки, советские войска пошли в наступление. В течение пяти суток днем и ночью шли ожесточенные бои, но прорвать немецкую оборону тех же обескровленных четырех дивизий не удалось. Атаки прекратили, когда атаковать было уже некому. Общие потери 1-й гвардейской, 24-й и 66-й армий Сталинградского фронта в сентябре составили 120 тысяч человек [25]. Наступление ударных групп Юго-Восточного фронта 19–20 сентября также не имело успеха. Безрезультатными были и действия 21-й армии на Серафимовичском плацдарме. 28 сентября был создан Донской фронт под командованием генерал-лейтенанта К.К. Рокоссовского, в состав которого вошли 63-я, 21-я, 4-я танковая, 1-я гвардейская, 24-я, 66-я армии. Юго-Восточный фронт ликвидировался, а его армии – 64-я, 57-я, 51-я и 28-я армии, вместе с 62-й армией вошли в Сталинградский фронт генерал-полковника Еременко [26]. В связи с этим был произведен ряд кадровых перестановок в звене фронт-армия. Но смена руководства не изменила главной задачи – восстановление связи Донского фронта с защитниками Сталинграда. Представителем Ставки ВГК на Донском фронте оставался генерал армии Жуков, на Сталинградском – генерал-полковник А.М. Василевский. Наступление Сталинградского фронта силами семи стрелковых дивизий, танкового корпуса и отдельной танковой бригады началось 29 сентября и продолжалось шесть дней, до исхода 4 октября. Удалось захватить межозерное дефиле в районе озер Сарпа, Цаца и Барманцак. Донской фронт, получив семь новых стрелковых

дивизий, четыре танковых бригады и маршевое пополнение, 30 сентября в 5-00 перешел в наступление силами 1-й гвардейской, 65-й и 24-й армий. Лобовые атаки велись на те же немецкие опорные пункты на высотах в полосе Басаргино, Котлубань, Бородин. 2 октября наступление было прекращено из-за больших потерь в личном составе и боевой технике. Третья попытка советских войск ликвидировать восьмикилометровый разрыв между Донским фронтом и защитниками Сталинграда завершилась неудачей. Через неделю, 9-10 октября, три армии Донского фронта, 1-я гвардейская, 24-я и 66-я армии, предприняли еще одну попытку уничтожить 14-й танковый корпус, но и она завершилась неудачей. Остатки соединений и частей усиления 1-й гвардейской армии были переданы в 24-ю армию, а полевое управление выведено в резерв Ставки. 20 октября войска Донского фронта (13 стрелковых дивизий, 9 танковых и 2 мотострелковых бригады, 23 артиллерийских и минометных полка РК, 12 полков РС) начали новое наступление в рамках операция «Дон» после 30-минутной артподготовки и ударов штурмовой и бомбардировочной авиации. Атаки продолжались до 27 октября и были прекращены из-за огромных потерь пехоты и танков. Только личный состав каждой из стрелковых дивизий сократился на 4500–5000 человек. За месяц боев потери Донского фронта составили 59969 человек [27]. Уличные бои в самом городе начались в начале сентября и уже не прекращались до завершения Сталинградской битвы 2 февраля 1943 г. Основную тяжесть этих городских боев вынесла 62-я армия, в командование которой 10 сентября вступил генерал-лейтенант В.И. Чуйков.

Выводы

Масштабы и значение сражений в большой излучине Дона летом и осенью 1942 г.

Советскими войсками в рамках Воронежско-Ворошиловградской и Сталинградской стратегических оборонительных операций были проведены Касторненская, Валуйско-Россошанская, Ворошиловградско-Шахтинская, Нижне-Донская и Сталинградская фронтовые оборонительные операции, а в октябре – наступательная операция «Дон» Донского и Сталинградского (2-го формирования) фронтов. В боевых действиях приняли участие войска восьми фронтов, Азовской и Волжской военных флотилий. В этот же период гитлеровское командование в большой излучине Дона провело наступательные операции «Блау» (с 30.06.42 г. – «Брауншвейг»), «Клаузевиц», «Фишрейер», начальную стадию операции «Эдельвейс». Количество задействованных в операциях войск и потери противоборствующих сторон приведены в таблице:

**ЧИСЛЕННОСТЬ И ПОТЕРИ СТОРОН В БИТВАХ В БОЛЬНОЙ ИЗЛУЧИНЕ ДОНА
28 июня – 18 ноября 1942 г.**

Воронежско-Касторненская оборонительная операция (28.06 – 24. 07. 1942 г.)		Ворошиловградско-Шахтинская оборонительная операция (7 - 19.07.1942 г.)		Нижнедонская оборонительная операция (оборона Ростова-на-Дону) (20 - 28.07.1942 г.)		Сталинградская стратегическая оборонительная операция (17.07 - 18.11.1942 г.)	
Брянский, Воронежский фронты	Группа армий «ЮГ», группа армий «Б» - 2А, 6А, 4ТА, 6 АК (рум)	Юго-Западный фронт Южный фронт Азовская военная флотилия	Группа армий «А» - 1 ТА, 17 А, 3 А (рум), группа армии «Б» - 4 ТА, 6 А, 35 АК (итал.)	Южный фронт, 51 армия Северо-Кавказского фронта Азовская военная флотилия	Группа армий «А» - 1 ТА, 4ТА, 17 А, 3 А (рум)	Сталинградский, Юго - Восточный, Донской фронты, Волжская военная флотилия	Группа армий «Б» - 4 ТА, 6 А, 3 А (рум), 4 А (рум), 8 А (итал)
777940	884021	1 132 000	975 078	357 000	654 049	1 400 000	773 302

Главный итог: в июле-октябре 1942 г. в большой излучине Дона произошли масштабные сражения, предопределившие закат наступательной стратегии Германии на Восточном фронте. Это привело к фатальным последствиям уже в ноябре-декабре 1942 г. под Сталинградом и на Северном Кавказе.

Благодарности

Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований № 14-01-00300 «Большая излучина Дона – место решающих сражений Великой Отечественной войны (1942–1943 гг.)».

Примечания:

1. Центральный архив министерства обороны (ЦАМО). Ф. 500. Оп. 12462. Д. 15. ЛЛ. 268-278.
2. История Второй мировой войны т. 5, С. 145, 146.
3. Василевский А.М. Дело всей жизни. Кн.1. 6-е изд. М. 1988. С. 217.
4. ЦАМО. Ф. 202, оп. 7, д.46, л. 193-217.
5. ЦАМО. Ф. 148а, оп. 3763, д. 126, л. 211.
6. ЦАМО. Ф. 224, оп. 760, д. 2. л. 87-89.
7. Великая Отечественная война без грифа секретности. Книга потерь. М., 2010. С. 106.
8. Ф. 202. Оп. 7. Д. 46. ЛЛ. 193-217; Ф. 229. Оп. 209. Д. 41. ЛЛ. 323-337.
9. Ф. 331. Оп. 5041. Д. 18, Л. 2-4.
10. Ф. 224. Оп. 760. Д. 2. ЛЛ. 176-182.
11. Ф. 224. Оп.760. Д.30. Л. 15.
12. Ф. 500. Оп. 12462. Д.15. Л. 113.
13. Ф. 48-А. Оп. 1640. Д.180. ЛЛ. 6,7,8.
14. Ф. 224. Оп.760. Д.9. ЛЛ.774-777.
15. Ф.1172. Оп.1. Д.12. ЛЛ. 9-10.
16. Пауль Карель «Восточный фронт», книга первая «Гитлер идет на восток. 1941-1943». М.: «Эксмо», «Изографус». 2003. С. 438-439.
17. Там же, С.439-440.
18. Ф. 224. Оп. 760. Д. 9. Л. 778.
19. Ф. 220. Оп. 220. Д.71. Л. 175.
20. Ф. 345. Оп. 5512. Д. 10. Л. 4.
21. Ф. 220. Оп. 220. Д. 8. ЛЛ. 302–303; Д.18, ЛЛ. 233–234.
22. Ф. 220. Оп. 451. Д. 5. Л. 14.
23. Ф. 148-А. Оп. 3763. Д.136. Л. 21.
24. Сталинград: Цена победы. М.:АСТ; СПб.: Terra Fantastika.2005. С.15).
25. Ф. 220. Оп.220. Д.72. Л. 85-86.
26. Ф. 148-А. Оп. 3763. Д. 124. Л. 262-263.
27. «Гриф секретности снят» Потери вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. М.: Воениздат. 1993. С. 179.

References:

1. Tsentral'nyi arkhiv Ministerstva oborony (TsAMO) F. 500. Op. 12462. D. 15. LL. 268-278.
2. Istoriya Vtoroi mirovoi voiny 1939-1945. T.5. M.: Voenizdat, 1974. S. 145-146.
3. Vasilevsky A.M. Delo vsey zhizni. Kn.1. 6th ed. M., 1988. S. 217.
4. TsAMO. F 202. Op. 7. D. 46, LL. 193-217.
5. TsAMO. F 148a. Op. 3763. D. 126. L. 211.
6. TsAMO. F. 224. Op. 760. D. 2. L. 87-89.
7. Velikaya Otechestvennaya voyna bez grifa sekretnosti. Kniga poter. M. Veche. 2010. S. 106.
8. TsAMO. F. 202. Op. 7. D. 46. LL. 193-217; F. 229. Op. 209. D. 41. LL. 323-337.
9. TsAMO. F. 331. Op. 5041. D. 18, L. 2-4.

10. TsAMO. F. 224. Op. 760. D. 2. LL. 176-182.
11. TsAMO. F. 224. Op. 760. D. 30. L. 15.
12. TsAMO. F. 500. Op. 12462. D. 15. L. 113.
13. TsAMO. F. 48-a. Op. 1640. D. 180. LL. 6,7,8.
14. TsAMO. F. 224. Op. 760. D. 9. LL. 774-777.
15. TsAMO. F. 1172. Op. 1. Д. 12. LL. 9-10.
16. Paul Karel «Vostochniy front», kniga pervaya «Gitler idet na vostok. 1941-1943», M.: «Eksmo», «Izografus». 2003. S. 438-439.
17. Ibid, P. 439-440.
18. TsAMO. F. 224. Op. 760. D. 9. L. 778.
19. TsAMO. F. 220. Op. 220. D. 71. L. 175.
20. TsAMO. F. 345. Op. 5512. D. 10. L. 4.
21. TsAMO. F. 220. Op. 220. D. 8. LL. 302–303; D. 18. LL. 233–234.
22. TsAMO. F. 220. Op. 451. D. 5. L. 14.
23. TsAMO. F. 148-a. Op. 3763. D. 136. L. 21.
24. Сталинград: Цена победы. М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastika. 2005. С. 15).
25. TsAMO. F. 220. Op. 220. D. 72. L. 85-86.
26. TsAMO. F. 148-a. Op. 3763. D. 124. L. 262-263.
27. «Grif sekretnosti snyat» Poteri vooruzhennyih sil SSSR v voynah, boevyih deystviyah i voennyih konfliktah. М.: Voenizdat. 1993. S. 179.

УДК 94 (47).084.8(470.61)

От «Блау» до «Урана» – операции РККА и вермахта в большой излучине Дона в июле-октябре 1942 г.

Владимир Иванович Афанасенко

Институт социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН, Российская Федерация
Научный сотрудник

Аннотация. В июле–октябре 1942 г. в большой излучине Дона произошли масштабные стратегические операции. Именно они предопределили перелом в ходе Великой Отечественной войне. 28 июня Верховное командование Германии начало главное наступление в летней кампании 1942 г. на южном крыле советско-германского фронта. Его целью стал не только разгром советских войск на юге. Противник планировал захват Кавказа, выход сухопутных войск на Волгу и нанесение авиационных ударов по военно-промышленному комплексу на Урале и в Поволжье. Фактически Гитлер стремился решить те задачи, которые не были решены по плану «Барбароссы» летом и осенью 1941 г. Немецкое наступление на сталинградском и кавказском направлениях было остановлено ценой больших потерь в живой силе и боевой технике в конце октября – начале ноября 1942 г.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; большая излучина Дона; сражения на воронежском, ростовском и Сталинградском направлениях.

Copyright © 2014 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Voennyi Sbornik
Has been issued since 1858.
ISSN: 2309-6322
Vol. 5, No. 3, pp. 159-166, 2014

DOI: 10.13187/issn.2309-6322
www.ejournal6.com

UDC 93/94

**Stalingrad and the North Caucasus: Two Counter-Offensives.
The Experience of Interaction by Soviet Troops during an Operation on
Encircling and Destroying the Stalingrad Enemy Forces. November-December 1942**

Alexey Yu. Bezugolnyy

Research Institute of Military History of the Military Academy of the General Staff of the Armed Forces of the Russian Federation, Russian Federation
PhD (History), Senior Researcher
119330 Moscow, University Avenue, 14
E-mail: besu111@yandex.ru

Abstract

This article provides an analysis of the efforts to arrange strategic interactions between the Stalingrad line fronts and the Transcaucasian front, which was defending the North Caucasus. Not long before the commencement of the counter-offensive under Stalingrad in mid-November 1942, the Transcaucasian front was assigned the task to encircle and destroy the main body of the German First Panzer Army, which was operating on the Grozny-Baku line. However, due to a number of objective and subjective reasons, the plan failed to be turned into reality.

Keywords: Battle of the Caucasus; Stalingrad; Northern forces of the Transcaucasian front; I.V. Tyulenev; I.I. Maslennikov.

Введение

Со второй половины сентября 1942 г. Ставка ВГК, Генеральный штаб и руководство фронтов сталинградского направления приступили к планированию и подготовке контрнаступления против сталинградской группировки немецких войск и их союзников. Советское командование учитывало, что успешные действия Красной армии вынудят противника для спасения ситуации перебрасывать сюда войска с других участков советско-германского фронта, что могло бы поставить под угрозу срыва ход операции. С целью воспрепятствования этому было решено провести ряд вспомогательных операций на других участках советско-германского фронта с целью сковывания сил противника. Наиболее крупная группировка врага действовала на тот момент в районе ржевско-вяземского выступа к западу от Москвы. Однако Ставка исключала возможность быстрой переброски крупных сил с западного и северо-западного направлений на юг, поскольку для этого требовалось много времени. Кроме того, наличие крупных группировок советских войск в этих районах настораживало германское командование. Поэтому решение на наступление действовавших в этом районе войск Западного и Калининского фронтов было принято только 13 ноября, на планирование и подготовку контрнаступления на западном направлении было выделено около двадцати дней, а директива на наступление была подписана только 8 декабря 1942 г.

Северокавказская группировка противника была меньше, чем ржевско-вяземская, но находилась значительно ближе к району Сталинграда и имела в своем составе значительное

количество подвижных соединений, которые гитлеровское командование могло использовать для деблокирования намечавшихся к окружению войск 6-й и 4-й танковых армий под Сталинградом. Большая часть моторизованных войск действовала в составе 1-й танковой армии против Северной группы войск Закавказского фронта – три танковых (3, 13-я и 23-я) и одна моторизованная дивизия (дивизия СС «Викинг»), а также моторизованное Особое соединение «Ф», что составляло около трети от всех имевшихся у противника подвижных соединений на южном крыле советско-германского фронта. Эти обстоятельства вызывали необходимость проведения вспомогательной наступательной операции также и на этом участке советско-германского фронта, причем синхронно с действиями фронтов сталинградского направления.

Материалы и методы

В основе статьи лежит анализ неопубликованных и опубликованных документов Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации (далее – ЦАМО РФ). В первую очередь, это приказы Ставки ВГК и директивы Генерального штаба РККА, переписка и переговоры Ставки с командованием Закавказского фронта, связанные с подготовкой вспомогательной контрнаступательной операции на Северном Кавказе. Исследование опирается на принципы историзма, системный и историко-географический подходы.

Обсуждение

Со второй половины октября советское верховное командование начало втягивать Закавказский фронт в орбиту подготовки зимнего стратегического наступления. Ставка ВГК и Генеральный штаб непосредственно руководили планированием операции Северной группы войск Закавказского фронта. 25 октября план операции Северной группы по окружению и уничтожению моздокско-малгобекской группировки противника (основных сил 1-й танковой армии вермахта) был отправлен в Москву, и уже вечером того же дня директивой Ставки № 170680 за подписями И.В. Сталина и А.М. Василевского план был утвержден, при этом в него были внесены существенные дополнения. Ставка определила дату готовности войск – 3 ноября, а начало наступления должно было быть определено «специальным распоряжением Ставки». Очевидно, эта дата увязывалась по времени с началом наступательных действий фронтов Сталинградского направления, которые также первоначально планировались на начало ноября (9–10 ноября).

Однако дата наступления была сорвана начавшимся 25 октября и ставшим неожиданным наступлением немецких и румынских войск на Нальчик и Орджоникидзе. Заканчивавшие сосредоточение в исходных районах войска в срочном порядке были переброшены в район Орджоникидзе. Серьезные ошибки в оценке сил, группировки и намерений противника, допущенные командованием Северной группы войск при планировании собственных действий на конец октября – ноябрь 1942 г., обернулись не только неожиданным для советского военного руководства прорывом врага фронта 37-й армии и выходом его на подступы к Орджоникидзе, но и тем, что подготовка вспомогательной контрнаступательной операции была отложена почти на две недели и затем продолжилась в условиях острого цейтнота, что не могло не сказаться негативно на ее осуществлении.

До 11 ноября Северная группа войск проводила Нальчикско-Алагирскую оборонительную операцию, в ходе которой была разгромлена 13-я танковая дивизия, полк «Бранденбург», серьезный урон нанесен 23-й танковой дивизии врага. Однако полностью уничтожить их не удалось. Вскоре танковые соединения противника восстановили боеспособность и сумели остановить начавшееся в развитие успеха в районе Орджоникидзе контрнаступление войск советской 9-й армии. Следует отметить, что в период Нальчикско-Алагирской оборонительной операции войска Северной группы объективно выполняли задачу по сковыванию сил противника, поскольку в наступательных действиях были заняты основные подвижные силы 1-й танковой армии противника. После разгрома немецких войск под Гизелью проводившаяся в его развитие контрнаступательная операция войск 9-й армии не достигла успехов и, к тому же, имела частный характер; задача поставить под угрозу всю противостоящую Северной группе войск группировку противника не ставилась.

В преддверии контрнаступления под Сталинградом требовалась операция большого масштаба, которая бы позволила выполнить главную и чрезвычайно важную для успеха наступления под Сталинградом задачу надежного сковывания всех сил врага на Кавказе, недопущения их переброски на Дон.

После начала Нальчикской оборонительной операции вопрос о контрнаступлении войск Северной группы вновь был поднят 5 ноября, когда И.В. Сталин, обеспокоенный развитием ситуации под Орджоникидзе, позвонил командующему фронтом для ознакомления с обстановкой и его соображениями относительно обороны города. В заключении разговора, вспоминает генерал армии И.В. Тюленев, Верховный пригласил его и И.И. Масленникова «в случае удачи» в Москву. 11 ноября, когда исход боев под Гизелью стал ясен, командующему Закавказским фронтом генералу армии И.В. Тюленеву было предписано «в ближайшие дни» вылететь в Ставку, «имея при себе план дальнейших наступательных действий на Кавказе» [1, с. 140].

15 ноября командующий фронтом отправил в Москву «План разгрома моздокской группировки», а вскоре после этого сам вылетел в Ставку для доработки и утверждения плана. Из-за сложностей дороги Тюленев прибыл в Москву лишь спустя несколько дней и был принят И.В. Сталиным 19 ноября, то есть в день начала операции под Сталинградом [Дата установлена по журналу посещений Верховного Главнокомандующего в его кабинете в Кремле. – см.: 2; с. 275]. По воспоминаниям И.В. Тюленева, Верховный «в общих чертах» проинформировал его о предстоящей Сталинградской операции и приказал готовиться к наступлению на Кавказе [3, с. 195].

Целью предстоящей операции назывался разгром противника, восстановление положения по реке Терек и создание условий для взаимодействия Северной и Черноморской групп для уничтожения майкопско-краснодарской группировки врага. Данный план в основном повторял уже одобренный ранее приказом командующего Северной группы войск № 0170/оп от 25 октября план контрнаступления войск Северной группы, реализация которого была сорвана прорывом противника под Нальчиком [4, л. 229-232.]. Как и прежде задачей операции было разъединить войска 1-й немецкой танковой армии на части, лишённые взаимодействия и уничтожить их по одиночке. Предполагалось одновременно нанести по противнику три удара: двумя стрелковыми корпусами 44-й армии по ближним тылам вражеских войск в направлении Каленков, Кречетов, Авалов, Моздок, двумя стрелковыми корпусами 9-й армии, усиленных танками – вдоль Терского хребта на Арик. Основные задачи на этих направлениях возлагались на надежные, испытанные в боях 10-й и 11-й гвардейские корпуса. Остальные два корпуса были сформированы из стрелковых бригад, поступивших ранее из резерва Ставки. Сама корпусная организация предназначенных к наступлению войск была призвана облегчить управление. Намечался также кавалерийский рейд по глубоким тылам противника с выходом на его основные коммуникации в районе Георгиевск. Целью рейда было дезорганизовать тылы и управление противника, способствовать его окружению и разгрому. После неудачных рейдовых действий в этом направлении Отдельного кавалерийского корпуса в сентябре 1942 г. и 4-го гвардейского корпуса в октябре-ноябре 1942 г., проводившихся небольшими силами и плохо обеспеченных средствами усиления, предполагалось сформировать целую Конную армию по типу конных армий времен Гражданской войны, хорошо зарекомендовавших себя как эффективное средство воздействия на оперативные тылы противника. Конармия должна была стать крупным кавалерийским объединением в составе семи кавдивизий, располагающим достаточным количеством собственной авиации, танков и артиллерии. В замысле предстоящего контрнаступления ей отводилась ключевая роль. Автором столь необычной для эпохи Второй мировой войны идеи был бывший буденновец И.В. Тюленев. Вопрос о сформировании Конной армии отдельно обсуждался в Ставке и после учета замечаний Генерального штаба был решен положительно [5, л. 197]. Ставка обещала выделить для Конармии одну авиадивизию [6, с. 449].

Вопрос о Конной армии еще слабо изучен в исследовательской и мемуарной литературе. Автором столь необычной для эпохи второй мировой войны идеи был бывший буденновец генерал армии И.В. Тюленев. Любопытно отметить, что ядро как командного, так и рядового состава включенных в новое кавалерийское объединение казачьих дивизий также составляли ветераны 1-й Конармии С.М. Буденного и красные партизаны периода Гражданской войны

[7, с. 20; 8, с. 70]. Комфронта и ранее неоднократно предлагал Ставке использовать уже имевшиеся крупные кавалерийские силы на левом берегу Терека, однако тяжелые оборонительные бои не позволяли высвободить кавалерийские соединения с других участков фронта.

В середине октября он смог добиться разрешения высшего командования на перевод на моздокское направление, где уже действовал корпус Н.Я. Кириченко, еще трех кавалерийских дивизий из предгорий Кавказа, где невозможно было использовать их преимущество как подвижных войск. Теперь встал вопрос о наиболее целесообразной форме их организации. Сталин с большим интересом отнесся к предложению о создании Конной Армии. По воспоминаниям С.М. Штеменко в двадцатых числах октября на одном из заседаний Ставки во время обсуждения предложений командующего Закавказского фронта он заметил: «А и в самом деле, не создать ли нам конармию?» – и тут же поручил заместителю начальника Генерального штаба генералу Ф.Е. Бокову проанализировать этот вопрос в Генштабе [9, с. 125]. Далее Штеменко пишет, что по итогам изучения этой «очень соблазнительной» идеи Генеральный штаб сделал отрицательное заключение, указав, что «конница уже неспособна к лихим атакам и глубоким рейдам из-за уязвимости от огня автоматического оружия, наличия у противника большого количества танков, трудностей снабжения фуражем и по многим другим причинам» (имелась ввиду также чрезвычайно высокая уязвимость кавалерии с воздуха) [9, с. 125]. Таким образом «эта громоздкая организация... не оправдывает возложенные на нее надежды» [9, с. 126]. В то же время специалисты Генерального штаба считали достаточно плодотворной идею использования конницы в составе временных конно-механизированных групп при достаточном обеспечении их танками и воздушной поддержкой [9, с. 126]. И.В. Сталин согласился с этими доводами.

Однако в воспоминаниях Штеменко содержится существенная неточность: вопрос о Конной армии не только не был закрыт, но получил в ближайшее же время интенсивное развитие. Уже в ходе планировании наступательной операции Северной группы войск в конце октября Ставка одобрила формирование Конной армии, но из-за того что 4-й гвардейский кавкорпус, управление которого должно было быть развернуто в армейское управление, был занят в очередном рейде по тылам противника, было отложено «до окончания операции». К этому времени должны были прибыть и части усиления, предназначенные для Конной армии Ставкой [10, с. 359]. 12 ноября директивой Ставки ВГК № 170687 план формирования Конной армии, предложенный И.В. Тюленевым, был утвержден, назначен командующий армией – командир 4-го гвардейского кавалерийского корпуса генерал-лейтенант Н.Я. Кириченко и его заместители – генерал-майор А.Г. Селиванов и генерал-майор Тимофеев; начальником штаба армии стал генерал-майор Дудко. Этой же директивой Ставка, приняв во внимание приведенные выше замечания Генерального штаба, решила выделить в распоряжение командующего Конармией три танковых полка (117 машин) и авиадивизию в составе двух штурмовых и двух истребительных полков [6, с. 449]. В плане операции, представленном в Ставку 15 ноября вопрос о средствах усиления уже был решен конкретно, причем не только за счет резервов Ставки, но и за счет резервов командующего фронтом. В состав Конармии должны были включены 140-я танковая бригада, 225-й и 134-й танковые полки, а также 65-я мотострелковая бригада в составе бронеполка, мотоциклетного и двух бронетранспортных батальонов, а также четыре отдельных бронеполка и мотоциклетных батальонов [5, л. 197]. Таким образом, Конармия получила даже большее усиление механизированными войсками, чем первоначально планировалось. Конармии также были приданы несколько противотанковых полков, полков ПВО и тяжелая артиллерия. Этими мерами командование фронта (и Ставка) рассчитывало устранить недостатки, выявившиеся в ходе кавалерийских рейдов Отдельного кавалерийского корпуса в сентябре и 4-го гвардейского кавалерийского корпуса в октябрь-ноябре, проводившихся недостаточными силами и плохо обеспеченными средствами усиления.

Одновременно шло формирование управления армии и сосредоточение кавалерийских войск на левом берегу Терека. К 20 ноября сюда прибыли все семь кавалерийских дивизий, имевшихся в составе Закавказского фронта – 30, 63, 110-ю и 9, 10, 11-ю и 12-ю гвардейские кавалерийские дивизии (не считая двух дивизий дислоцированного в Иране 15-го

кавалерийского корпуса). Формирование Конной армии планировалось закончить к 25 ноября [5, л. 197].

Итак, Конная армия должна была стать крупным постоянным конно-механизированным объединением, все войска которого обладали бы значительной мобильностью, поддерживались и прикрывались с воздуха собственной авиацией. Она была бы первым объединением подвижных войск в Красной армии с однородным составом. И в этом отношении имела значительное преимущество перед другими подвижными объединениями, создававшимися в 1942 г., в которых подвижные соединения сочетались с общевойсковыми, что замедляло их продвижение и заметно снижало эффективность таких армий как фронтового средства развития успеха (достаточно вспомнить опыт 5-й танковой армии в контрнаступлении под Сталинградом). Однородные танковые армии впервые были использованы в Курской битве летом 1943 г. Следует отметить и то, что Конная армия существенно отличалась от получившей в годы войны широкое распространение формы использования кавалерии – в сочетании с танками и мотопехотой в составе конно-механизированных групп. Последние носили временный характер, создавались в сжатые сроки на период наступательных операций фронтов, поэтому, особенно в первый период войны, иногда имели существенные недостатки, вытекавшие из самой их природы, в первую очередь – низкую слаженность штабов, а отсюда – плохое управление войсками, перебои в снабжении и т.д. (примером может послужить конно-механизированная группа Северной группы войск, созданная 7 января 1943 г. для преследования отступавших с Терека войск противника). Но в целом даже эти временные конно-механизированные объединения хорошо зарекомендовали себя в бою и заслужили высокой оценки советского верховного командования, которое в 1944 г., подводя итог действиям кавалерии в современной войне, отмечало: «Опыт наступательных операций Красной армии 1943–1944 годов показал, что там, где кавалерийские соединения используются массированно, где они усиливаются механизированными и танковыми соединениями и поддерживаются авиацией, там, где они применяются на открытых флангах противника для удара по его тылам или для преследования... там кавалерийские соединения всегда дают хороший боевой эффект» [11, с. 303]. Все эти факторы были учтены в период создания Конной армии, поэтому командование фронта и Ставка не без оснований возлагали на новое объединение большие надежды. Следует отдать должное инициативности и настойчивости командующего фронтом И.В. Тюленева, добившегося возможности использовать имевшуюся в его распоряжении кавалерию наиболее целесообразным способом.

Конной армии ставилась задача, действуя двумя тесно взаимодействующими кавалерийскими группами при поддержке механизированных войск и авиации, овладеть районом Ачикулак, Каясулу и затем развивать наступление в глубину обороны противника в направлении Александровская, Георгиевск. По достижении этого рубежа Конная армия занимала круговую оборону и частью сил действовала навстречу стрелковым соединениям, наступавшим с юго-востока [5, л. 197–199].

Смелый и решительный план командования Закавказского фронта в целом нашел поддержку в Ставке, однако подготовка наступления должна была занять немало времени: крупная группировка войск должна была сосредоточиться южнее Терского хребта в районе Малгобека; гвардейские стрелковые корпуса, понесшие тяжелые потери в боях за Орджоникидзе, нуждались в значительном доукомплектовании. Формирование Конной армии только начиналось: к моменту начала контрнаступления под Сталинградом не было закончено формирование управления армии, три из семи кавалерийских дивизий армии имели большой некомплект личного состава и материальной части, большинство частей усиления еще не прибыло. Чтобы сократить время на подготовку контрнаступления план пришлось существенно изменить в сторону его упрощения.

19 ноября он был утвержден в Ставке в том виде, в каком он обычно представлен в литературе о битве за Кавказ. Отныне главный удар наносился войсками 9-й армии из района Кирово, Нарт, Фиагдон в направлении Дигора, Урух с целью окружения алагирской группировки врага. Вспомогательный удар в обход узла сопротивления в районе Ищерская, Сборный, Старо-Леднев в общем направлении Шерпутовский, Безорукин наносили войска 44-й армии. Сосредоточенному в районе Терекли-Мектеб 4-му гвардейскому кавалерийскому корпусу предписывалось предпринять рейд по тылам противника с целью их дезорганизации

в направлении Степное, Соломенское, Советская, Солдатская. По выходе ударной группы 9-й армии в район Дигора, соединения 37-й армии должны были ударить на Чикола, Урух. Часть сил 44-й армии и 58-я армия прикрывали грозненское и махачкалинское направления [12, с. 206–211]. Формирование Конармии 20 ноября было отменено, а ее средства усиления были распределены между двумя гвардейскими кавалерийскими корпусами – 4-м и вновь сформированным 5-м Донским. Кавкорпусам были поставлены отдельные задачи [6, с. 452].

Вынужденное изменение замысла операции Северной группы войск, и сокращение сроков на ее подготовку оказало существенное влияние на ход наступления. Подготовка проходила в спешке, ряд частей оказались недоукомплектованными. Так, 5-й гвардейский кавалерийский корпус к началу действий фактически не имел ни штаба, ни тылов, ни частей усиления. Войска 9-й армии не успели завершить перегруппировку и создать ударные группы, зачастую не хватало времени даже на рекогносцировку районов предстоящих действий. К тому же начало наступления 9-й армии было перенесено с 30 на 27 ноября. Ударная группировка 44-й армии состояла из необстрелянных, плохо обученных и низко дисциплинированных национальных дивизий.

Результаты

Почти с самого начала, несмотря на героические усилия советских бойцов и командиров, наступление войск Северной группы захлебнулось. Дивизии 9-й армии, действовавшие в сложных условиях сильно пересеченной гористой местности, несли тяжелые потери и не имели продвижения. Наступавшие по левому берегу Терека войска 44-й армии и 4-го и 5-го гвардейских кавалерийских корпусов в ожесточенных боях достигли лишь тактического успеха. Повсеместным явлением были частые нарушения связи, потеря управления войсками, плохое взаимодействие войск с танками, артиллерией и авиацией, неуверенные, шаблонные действия командиров всех уровней [13, с. 430–431]. Так, в течение 2–5 декабря командир 402-й стрелковой дивизии 44-й армии не мог наладить управления частями, полки заблудились в однообразной степи, перемешались. В результате дивизия была уничтожена танками и мотопехотой противника [14, л. 247–259]. Наступающие войска, особенно в начале операции, очень плохо обеспечивались боеприпасами, теплым обмундированием, горячей пищей, медицинским обслуживанием [15, л. 135].

Уже 9 декабря начальник штаба Закавказского фронта генерал-лейтенант А.И. Антонов вынужден был констатировать: «В результате 11-ти дневного наступления войска Северной группы... значительного успеха не достигли, понесли большие потери, и план наступательной операции фактически был сорван» [16, л. 202]. Перенесение основных усилий на левый берег р. Терек, где к концу первой декады декабря наметился определенный успех, не привел к существенным результатам. Советским войскам приходилось наступать из полупустынной безводной местности, многие недостатки не были устранены. Командование группой проявило излишнюю осторожность, не вводя свежие силы массированно, держа в резерве крупную танковую группу, насчитывавшую более 100 танков. Противник использовал свое преимущество в подвижности, быстро перебрасывая силы на угрожаемые участки. В итоге к концу месяца 44-я армия, выполнявшая главную задачу, «фактически выдохлась» [17, л. 6], но так и не смогла прорвать вражескую оборону и выйти к Моздоку. В ходе декабрьского наступления многие части и соединения Северной группы войск Закавказского фронта проявили исключительный героизм. Хорошо известен, например, подвиг минометчиков 133-го минометного полка, которые в отрыве от остальных войск в условиях окружения в течение восьми часов отражали ожесточенные атаки вражеских танков. Благодаря грамотному построению обороны, стойкости бойцов и командиров, полк практически без потерь закончил бой, нанеся противнику тяжелые потери. Случаев, подобных этому, было множество.

1 января 1943 г. противник, опасаясь того, что кавказская группировка в результате успешного наступления советских войск Юго-Западного и Южного фронтов в направлении Ростова может оказаться в мешке, начал отводить 1-ю танковую армию из района Моздока в северо-западном направлении в надежде закрепиться на новых рубежах. В этот же день войска Северной группы, готовившиеся к возобновлению наступления, начали преследование врага. В январе-феврале 1943 г. от немецких войск была очищена большая часть Северного Кавказа.

Заключение

Из-за неудовлетворительной подготовки и обеспечения наступления, связанных с необходимостью синхронизировать его с наступательными действиями фронтов сталинградского направления, Северной группе войск не удалось добиться окружения и разгрома 1-й танковой армии врага. Однако важная для успеха Сталинградской операции задача по сковыванию сил противника в целом была выполнена: врагу удалось перебросить на сталинградское направление только две подвижных дивизии, причем в очень истощенном состоянии. Так, прибывшая в середине декабря в распоряжение командующего 4-й танковой армии 23-я танковая дивизия 1-й танковой армии располагала не многим более двадцати танков и никакого влияния на ход боев не оказала [18, с. 370]. Таким образом, войска Северной группы войск Закавказского фронта внесли свою лепту в великую победу на Волге и дальнейший разгром немецко-фашистских войск в ходе зимней наступательной кампании советских войск 1942–1943 гг.

Благодарности

Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований № 14-01-00300 «Большая излучина Дона – место решающих сражений Великой Отечественной войны (1942–1943 гг.)».

Примечания:

1. Тюленев И.В. Крах операции «Эдельвейс». Орджоникидзе: Ир, 1988. 176 с.
2. Горьков Ю.А. Кремль. Ставка. Генштаб. Тверь, 1995. 320 с.
3. Тюленев И.В. Через три войны. М.: Воениздат, 1972. 240 с.
4. ЦАМО РФ. Ф. 399. Оп. 9385. Д. 20.
5. ЦАМО РФ. Ф. 209. Оп. 1063. Д. 31.
6. Русский архив: Т.16.(5-2) Великая Отечественная. Ставка ВГК: документы и материалы. 1942г. М.: Терра, 1996. 624 с.
7. Горшков С.И., Овчаренко И.В. Донской Гвардейский: Очерк о героическом пути 5-го гв. Донского казачьего Краснознаменного Будапештского кавалерийского корпуса. Ростов-на-Дону: Ростов. книж. изд-во, 1985. 159 с.
8. Воскобойников Г.Л. Казачество и кавалерия в годы Великой Отечественной войны 1941 – 1945. Ростов-на-Дону: Терра-Принт, 1995. 211 с.
9. Штеменко С.М. Генеральный штаб в годы войны. Кн. первая. М.: Воениздат, 1981. 315 с.
10. Сборник документов Верховного Главнокомандования за период Великой Отечественной войны. Вып.2. Январь-декабрь 1942. М.: [Б.и.], 1945. 425 с.
11. Волкогонов Д.А. Сталин. Кн. 2. М.: АСТ, Новости, 1999. 702 с.
12. Битва за Кавказ / Под ред. ген.-лейт. С.П. Платонова. М., б.и., 1954. 411 с.
13. Русский архив. Т.23. Великая Отечественная война. Т.12 (2). Генеральный штаб в годы Великой Отечественной войны. Документы и материалы. 1942 г. М., Терра, 1999. 503 с.
14. ЦАМО РФ. Ф. 1726. Оп. 1. Д. 9.
15. ЦАМО РФ. Ф. 209. Оп. 989. Д. 1.
16. ЦАМО РФ. Ф. 47. Оп. 1063. Д. 436.
17. ЦАМО РФ. Ф. 399. Оп. 9385. Д. 29.
18. Манштейн, фон Э. Утерянные победы. Москва – Ростов-на-Дону: Феникс, 1999. 896 с.

References:

1. Tjulenev I.V. Kraх operacii «Jedel'vejs». Ordzhonikidze, 1988. 176 s.
2. Gor'kov Ju.A. Kreml'. Stavka. Genshtab. Tver', 1995. 320 s.
3. Tjulenev I.V. Cherez tri vojny. M.: Voenizdat, 1972. 240 s.
4. CAMO RF. F. 399. Op. 9385. D. 20.
5. CAMO RF. F. 209. Op. 1063. D. 31.
6. Russkij arhiv: T.16.(5-2) Velikaja Otechestvennaja. Stavka VGK: dokumenty i materialy. 1942g. M.: Terra, 1996. 624 s.

7. Gorshkov S.I., Ovcharenko I.V. Donskoj Gvardejskij: Oчерk o geroicheskom puti 5-go gv. Donskogo kazach'ego Krasnoznamennogo Budapeshtskogo kavalerijskogo korpusa. Rostov-na-Donu: Rostov. knizh. izd-vo, 1985. 159 c.
8. Voskobochnikov G.L. Kazachestvo i kavalerija v gody Velikoj Otechestvennoj vojny 1941 – 1945. Rostov-na-Donu: Terra-Print, 1995. 211 c.
9. Shtemenko S.M. General'nyj shtab v gody vojny. Kn. pervaja. M.: Voenizdat, 1981. 315 s.
10. Sbornik dokumentov Verhovnogo Glavnokomandovanija za period Velikoj Otechestvennoj vojny. Vyp.2. Janvar'-dekabr' 1942. M., b.i., 1945. 425 c.
11. Volkogonov D.A. Stalin. Kn. 2. M. AST, Novosti, 1999. 702 s.
12. Bitva za Kavkaz./ Pod red. gen.-lejt. S.P. Platonova. M., b.i., 1954. 411 c.
13. Russkij arhiv. T.23. Velikaja Otechestvennaja vojna. T.12 (2). General'nyj shtab v gody Velikoj Otechestvennoj vojny. Dokumenty i materialy. 1942 g. M., Terra, 1999. 503 c.
14. CAMO RF. F. 1726. Op. 1. D. 9.
15. CAMO RF. F. 209. Op. 989. D. 1.
16. CAMO RF. F. 47. Op. 1063. D. 436.
17. CAMO RF. F. 399. Op. 9385. D. 29.
18. Manshtejn, fon Je. Uterjannye pobedy. Moskva – Rostov-na-Donu: Feniks, 1999. 896 s.

УДК 93/94

**Сталинград и Северный Кавказ: два контрнаступления.
Опыт взаимодействия советских войск в период операции по окружению
и уничтожению сталинградской группировки противника.
Ноябрь – декабрь 1942 г.**

Алексей Юрьевич Безугольный

Научно-исследовательский институт военной истории ВАГШ ВС РФ, Российская Федерация
Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
119330 Москва, Университетский проспект, 14
E-mail: besu111@yandex.ru

Аннотация. В статье дан анализ попыткам наладить оперативно-стратегическое взаимодействие между фронтами сталинградского направления и Закавказским фронтом, оборонявшим Северный Кавказ. Незадолго до начала контрнаступления под Сталинградом в середине ноября 1942 г. Закавказскому фронту была поставлена задача окружить и уничтожить основные силы 1-й немецкой танковой армии, действовавшей на грозненско-бакинском направлении. Однако в силу ряда объективных и субъективных причин этот замысел не удалось воплотить в жизнь.

Ключевые слова: битва за Кавказ; Сталинград; Северная группа войск Закавказского фронта; И.В. Тюленев; И.И. Масленников.

Copyright © 2014 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
 Voennyi Sbornik
 Has been issued since 1858.
 ISSN: 2309-6322
 Vol. 5, No. 3, pp. 167-174, 2014

DOI: 10.13187/issn.2309-6322
www.ejournal6.com

UDC 94

The Notes of a Commandant's Service Company Commander

Ilya P. Klyushnik

The Sochi Great Patriotic War Veterans Society, the Russian Federation

Abstract

The "Notes" feature memoirs by the Commander of the Commandant's Service Company of the 395th Miners' Rifle Division in World War II. The author addresses battles at the approaches to the town of Tuapse and shares an insight into the everyday life of soldiers and officers in the Red Workers' and Peasants' Army. Of special significance in the memoirs are materials on the use of "stone-throwers" – a ruse of war employed by the Russian soldiers. The manuscript is being published for the first time.

Keywords: commandant's service company; 395th Miners' Rifle Division; hostilities; court martial; Ilya Petrovich Klyushnik; memoirs.

Бои 395-й шахтерской стрелковой дивизии северо-восточнее города Туапсе, г.Котх, гора Кочкана

После ранения в июне 1942 года, находился в госпитале в ст. Назрань, крепости «Шатил». Фашисты подходили к Прохладной. Госпиталь эвакуируют. Досрочно выписываюсь из госпиталя, в свою 176-ю стрелковую дивизию, она ведет бои под городом Новороссийск. Предстоит путь: Баку, Тбилиси, Сухуми, Сочи, до поселка Вишневка где был отдел кадров штаба Черноморской группы войск. В отделе кадров меня направляют не в 176 стрелковую дивизию, а 395-ю шахтерскую стрелковую дивизию*, в разведроту дивизии. Штаб дивизии расположен в х. Ширанка, полки разбросаны от Фанагорийской, Безымянной, гора Котх. Полки ведут бои с авангардом фашистов. Вся надежда на подход наших частей.

В первую же ночь пошли в разведку – за «языком». Рота малочисленна. Красноармейцы измотаны быстрым отступлением, чтобы занять выгодные рубежи, а тут без отдыха и сразу в разведку. Там где днем мы видели фашистов, ночью никого не обнаружили. Возвращаемся назад. Еще темно. Слышим, нас сзади догоняет мотоцикл. Быстро залегли, натянули проволоку, зацепили за деревья, дорога проселочная и очень узкая. Не успели опомниться, как фашиста снесло проволокой с мотоцикла, он лежит на дороге и что-то кричит. Захватываем второго фашиста в коляске мотоцикла, он взрывает гранату в руках, себя покончил и ранил наших двух разведчиков. Фашист, которого снесло проволокой, застрелился. Забираем документы. Мотоцикл не заводится, столкнули его с дороги в лес, а

* Дивизия входила в состав 18-й армии Черноморской группы войск Закавказского фронта РККА. – Редактор ВС.

сами как можно быстрее уходим к своим, ведь до своих еще далеко, а силы у всех на исходе. Губы слипаются, очень хочется пить.

Добрались до своих, решили отдохнуть... По дороге едет какой-то командир на лошади, в сопровождении «свиты». Спрашивает, кто такие, все молчат. Я с палкой в руке докладываю, что группа разведки возвращается в расположение части, из задания. Он кричит на меня, что я с палкой. Командир взвода поясняет, что у меня открытая старая рана и очень беспокоит. Командир слез с коня. Уже другим тоном пояснил, что он командир нашей дивизии, майор Петраковский. Спросил какие наши успехи. Я доложил, что пленных захватить не удалось, но мы забрали их документы, оружие. Командир дивизии поинтересовался моим здоровьем и распорядился обратиться к начальнику штаба дивизии полковнику Янковскому о переводе меня в комендантскую роту дивизии.

Комендантская рота дивизии состоит из ординарцев, коноводов, поваров, парикмахеров, часовых по охране штаба, группы автоматчиков, как резерв комдива.

С подходом других отступающих частей нашу дивизию сосредоточили на хребте Котх. Условия были ужасные, нет ни дорог ни троп, а надо снабжать передний край боеприпасами, питанием. Одна дорога, которая была временно сделана еще до революции, фашисты непрерывно вели по ней минометно-артиллерийский обстрел. Да и дорогой ее нельзя было назвать, по ней уже выросли огромные деревья. Наши саперы срочно стали строить тропы. Строили и днем и ночью. Спустя сутки уже в основном были сделаны тропы. Каждый батальон выделял красноармейцев для доставки боеприпасов и питания с хут. Хатыпс до переднего края. Срочно были созданы, из местных армян, небольшие отряды для доставки боеприпасов на ишаках. У нас сохранилась артиллерия, но нет снарядов, да и расположена она была по долине реки Хатыпс. Нас в основном выручал ротный миномет и гранаты, но их надо было доставлять до Хатыпса из Шаумяна или Тоннельной, а потом красноармейцами до переднего края.

Спустя несколько дней фашисты начали вести разведку боем. Нащупав слабые места, перешли в наступление. Из-за недостаточного количества боеприпасов наши шахтеры-красноармейцы подпускали к себе наступающих фашистов и вступали с ними в рукопашную. Рукопашных боев они не выдерживали и прекратили временно свои наступления, понеся большие потери, да и наши ряды шахтеров уменьшились. Мы стали получать пополнение красноармейцев из Кавказских республик. Они не были подготовлены к такой войне, некоторые из них даже не разу не стреляли из винтовки.

Получаем приказ, дивизию должен принять полковник Рахимов Сабир, а наш комдив майор, герой Финской войны Петраковский идет на повышение, он формировал эту шахтерскую дивизию в г. Луганске.

На правом фланге дивизии никого нет. Там сильный обрыв. Ночью наш дозор прозевал, а точнее проспал. Фашисты сумели окружить два батальона, которые вели почти суточный бой. Шахтеры-красноармейцы почти все погибли, несколько групп сумели прорваться к нам, а остальные попали в плен. За счет резервных сил с трудом удалось восстановить положение. Ежедневно фашисты по 2-3 раза бомбят нашу оборону. Ведут артиллерийский обстрел и ежедневно пытаются прорвать нашу оборону.

Командир дивизии полковник Рахимов с разрешения Командования организует геодезическую разведку для строительства дороги от Хатыпса до Афанасиевого-Постика, через седловину горы Кочкана. Старики армяне с Хатыпса рассказали, что с Хатыпса до седловины горы Кочкана до революции 17 года была сделана временная дорога. Там на выступе заключенные заготавливали какой-то лес.

Мне как замкоменданта штаба дивизии было поручено с одним взводом сопровождать геодезистов. На вьюки лошадей погрузили всю аппаратуру, продукты, воду, колышки для обозначения где будет проходить дорога. За нами идет целый саперный батальон. Они пилили и убрали деревья. Местами сразу же планировали будущую дорогу. Через час мы ушли — точнее оторвались от саперного батальона, прорубали заросли, чтобы прошли лошади.

Только на четвертые сутки мы добрались до большого ровного выступа, откуда предстояло нам начать подъем на Кочкана. Здесь мы заметили несколько деревянных рубленых домиков, очень маленьких, приблизительно размер 3х4. Стали ощущать дымный запах. Остановились, сделали разведку. Видно было, что домики построены очень давно.

Нижние срубы погнили. Окна оказались на уровне колена. В каждом домике были люди. Создали на каждый домик группу захвата. Когда одновременно подошли к домикам, нам никакого сопротивления. В каждом домике было по 6-7 наших солдат. Оказалось это наши дезертиры. Пока у них были патроны они вели охоту, патроны закончились и они уже поели все шкуры убитых зверей. Худые ужасно. Некоторые уже не поднимались. Мы им оставили консервов, хлеба, соли. Санинструктор разъяснил им как надо начинать принимать пищу. Вода у них была, рядом родник. Мы забрали у них оружие. Оставили двух часовых. Двух красноармейцев отправили с донесением в штаб. Их судьбу я не знаю, так как после Кочкана и Афанасиевского-Постика мы все вернулись по дороге, вдоль речки до самого Хатыпса, в штаб. Срочно саперы стали строить дорогу через седловину горы Кочкана. Командование боялось, что фашисты могут захватить дорогу с Хатыпса и наша дивизия вместе с другими артиллерийскими подразделениями может быть отрезана и окружена.

Вскоре фашистам удалось прорвать наш передний край. Ведя ожесточенные бои, дивизия стала медленно отступать. Когда дивизия находилась в тяжелейшем положении, потеряв в боях почти всю свою живую силу, по приказу командира дивизии полковника Рахимова вся комендантская рота, вместе с пополнением, была брошена на передний край, который проходил на горе Кочкана. Роте достался самый сложный участок, седловина горы, где проходила дорога с Хатыпса до Афанасиевского-Постика. С правого фланга роты начинался подъем на сопку, где занимала оборону рота, в которой принимал участие в боях Кондратьев. На второй день боев командир роты капитан Кузнецов получил ранение. По приказу командира 723-го полка я принял роту. Позиция роты была крайне неудобной. Впереди, справа и слева под сопкой находились фашисты. Сзади нас был обрыв, который заминировали наши саперы, противотанковыми минами на фугас. Об этом узнали только командиры. Отступать нам было некуда. На дороге ниже нас в сторону Афанасиевского-Постика стоял заградотряд из полка МВД. Окопы были вырыты только по колено, так как глубже был камень, а у нас кроме саперных лопат ничего не было. Углубляли окопы за счет убитых солдат противника. Да и эти неудобные окопы были залиты водой. Это был октябрь-ноябрь 1942 года. Лили непрерывные дожди с мокрым снегом. К тому же оборона проходила в лесу. Снаряды и мины противника попадая в деревья разрывались и вместе с сучьями выводили из строя красноармейцев еще до атак фашистов.

Да еще нам давали в основном новые противотанковые гранаты, и несмотря на предупреждение об их особом действии, красноармейцы бросая их зацепляли за ветки, и они рвались над головой. Правда спустя несколько дней боев лес был уничтожен фашистами, все смешалось с землей. Даже не осталось хорошей щепки чтобы сесть. Поэтому носами, когда принимали пищу, садились на трупы людей. Ведь чекисты и наши работники СМЕРШ разрешали только два раза в неделю спустить по дороге ниже обороны и похоронить наших убитых, для этого у них были свои люди.

От беспрерывной сырости тело блекло, превращалось в сморщенную губку. От постоянного нахождения без движения некоторые красноармейцы не могли уже передвигаться. В нечеловеческих условиях, при отсутствии нашей артиллерии, недостатка боеприпасов, отсутствия питания (кормили раз в сутки), рота вела ожесточенные бои с превосходящими силами противника, отражая по несколько атак в день.

За 29 суток боев, несмотря на пополнения, рота понесла большие потери. К тому же в роте оказалось 13 изменников Родины, которые ушли на сторону врага. Потом со стороны противника выступали в рупоры, уговаривали нас последовать их примеру. Называли по фамилии всех кого звали, кроме политрука и парторга. Командиру роты обещали виллу в Татрах, если сдаст позицию.

Наша узкая полоска переднего края просматривалась противником с двух сторон. Справа и слева фашисты располагались на возвышенной по отношению к нашей обороне и так близко, что зачастую в пустую банку от консерв фашист закладывал камень с запиской и свободно добрасывал к нам в окоп. Не было возможности даже передвигаться, так как снайперы сразу же охотились. Правда наши снайперы, особенно старшина Попов, тоже давали им знать о себе. Несмотря на все невзгоды, рота продолжала удерживать свой рубеж.

Хочу вспомнить один очень характерный случай одного боя. На самой седловине горы, где проходила дорога, находился наш станковый пулемет. В одной из атак фашистам удалось забросать гранатами наш пулеметный расчет. Второй номер был убит, а первому

разорвало живот. Он бедняга в горячке вскочил, пробежал несколько метров, а кишки его тянулись из окопа до него. Санинструктор Поддубняк Валя вся окровавленная переползла к нему, собрала все его внутренности, сделала ему перевязку. Она знала о его судьбе, но человеческая мораль превыше всего. Эта хрупкая маленькая женщина так много оказала помощи раненым бойцам, проявляя невероятную волю и мужество...

Эта атака фашистов оказалась для нас самой критической из всех атак. Они думали, что вывели из строя наш пулемет. Мне пришлось самому лечь за пулемет и уже в упор уничтожить фашистов.

Я уже писал, что на участке роты это был единственный проход от нас к нам в тыл. Он усиленно охранялся подразделением полка МВД*. Этим проходом мы пользовались для пополнения боеприпасов, питания и отправляли раненых, убитых. Медработник полка МВД проверял каждого раненого и потом их люди забирали наших раненых.

Я несколько раз обращался к командиру подразделения МВД, чтобы он дал разрешение нашим 2–3 бойцам заготавливать дрова для костра, но каждый раз получал отказ. Никому не говоря, я ночью разминировал несколько наших мин. Они были противотанковые, в деревянных ящиках и поставлены на фугас. На рассвете, в одной из воронок от бомбы, разжег костер из одной мины. Как только разгорелся тол, а он при горении сильно дымит, фашисты сразу же стали сильно обстреливать место костра. Но тол имеет свойство, если он загорелся то его потушить невозможно, или он при тушении может взорваться. Горит тол очень долго. Как не пытались фашисты затушить костер, но не могли. Так мы стали по очереди, в минуты затишья, пользоваться костром. Но нас ожидала другая неприятность. Когда нагревалась одежда и тело, начинали давать о себе знать паразиты — вши. А их было у каждого тысячи. Тело начинало чесаться и бойцы раздирали себя местами до крови. Тогда стали снимать с себя нижнее белье, брали за концы и опускали над костром. Паразиты начинали трещать. Потом стряхивали и они сотнями падали в костер. Этими мерами частично спасали себя. С питанием было крайне плохо. Одиннадцать дней не было ни хлеба, ни сахара, ни табака. Давали 175 грамм овсяной муки с остюками в день. Кто эту еду видел в жизни, тот знает что это такое.

С трудом добились разрешения от командира подразделения МВД, под свою расписку и ответственность посылали четырех бойцов за дикими грушами в лес. Каждому красноармейцу доставалась пилотка груш с листьями на сутки. Варили кашу из дубовой коры, ремней, шкур животных. Но пришла опять неприятность, почти все страдали запором кишечника.

Когда нам доставили хлеб, сахар и отличный турецкий табак, все прежде всего принялись за табак. После курения у большинства началась рвота. Получили отравление, в том числе и я... Кто не курил, тот хорошо все перенес.

С боеприпасами стало еще хуже. Артиллерия по-существу бездействовала. Все реки и речушки из-за обильных осадков переполнились. Транспорт остановился. За десятки километров все доставлялось людьми на себе. Саперные части предложили устраивать примитивные камнеметы. Выкапывали по ночам, и все это лежа, ямы до твердого грунта. Сторону ямы, которая обращена к противнику грунт срезали на молу. Внизу укладывали взрывчатку, а сверху сколько можно клали камни. Натягивали от взрывателя две-три проволоки до наших окопов, создавая гарантию целостности проволоки при обстреле. Когда фашисты атаквали нас, мы взрывали «канеметы». Камни летели во все стороны, но больше на фашистов. Эти «канеметы» очень помогали нам...

В одну из ночей на участок роты прибыл батальон 83-й морской бригады, к сожалению численность батальона была меньше нашей роты. Командир батальона был майор Фишер Акба. Батальону была поставлена задача произвести разведку боем на участке роты. Эта неумная затея обошлась гибелью почти большинства батальона и задача не была выполнена. От наших окопов к фашистам был сильный спуск, и обратно пути не будет. Я комбату пояснил: сколько пошлешь моряков в атаку, никто назад не вернется, поэтому чем меньше пошлешь, тем меньше потеряем. Он мне пояснил, что это моряки, а фашисты их боятся и я должен выполнить приказ. Два дня они вели наблюдение, а на третий рано утром разделись и в тельняшках пошли в атаку. Но к большому несчастью, из всех кто

* В период ВОВ действовали подразделения войск НКВД – редактор ВС.

пошел никто не вернулся. Погибли две женщины санинструктора, третью мы ночью вытащили тяжелораненую. Три ночи оставшиеся около нас моряки и часть моих ребят пытались вытащить со спуска хотя бы раненых, но кроме своих потерь ничего не смогли сделать...

Как только расходились облака, над нами начиналась бомбежка, и если позволяла погода, бомбили несколько раз в день. Старший политрук роты Тищенко и парторг, при первой возможности проводили политико-воспитательную работу среди состава роты, безусловно, по группам. Вот в таких условиях наша рота вела ожесточенные бои с противником почти каждый день. А Совинформбюро сообщало: северо-восточнее города Туапсе проходили бои местного значения. Несмотря ни на какие невзгоды, бойцы отражали атаки фашистов, стояли насмерть. Большинство воинов были уверены, что переломный период наступит, что враг будет разгромлен, победа за нами, Родина будет свободной, что Родина оценит их подвиг...

После смены с переднего края все воины и командиры были представлены к наградам, кроме командира роты, политрука и парторга. Они были подвергнуты жестоким допросам работников СМЕРШ за изменников Родины. По приказу 227* командир, допустивший измену Родины хотя бы одним человеком в своем подразделении, должен быть осужден вплоть до расстрела, а у нас 13 изменников. Мы уже знали свою судьбу. Допрашивали часами, кушать почти не давали, держали в открытых окопах, сняли даже шинели. Били ужасно, в блиндаже, где вели допрос, все кругом было забрызгано кровью. Правда меня не били, или потому что я был очень худой и измученный, или что они меня знали когда я был зам. коменданта, но пальцы давили, следы остались на всю жизнь. За несколько дней постоянных допросов наши дела были переданы в суд. Они требовали подписать их документ, что мы враги народа. Однако мы никто его не подписали.

Хочу отметить, что у большинства командиров нашего звена[†] к работникам СМЕРШ было отношение отвратительное, прежде всего потому, что они вели себя вызывающе, нагло, а также у них был дополнительный паек, хотя они не находились на переднем крае. Вызывали к себе людей чем-то ранее себя скомпрометировавших и вербовали их, чтобы они писали доносы на людей по их заданию, напоминали им об их прошлом.

Трибунал состоялся в хуторе Ширинка. В хуторе оставалось целыми только два домика. В одном находился командир дивизии, в другом столовая АХЧ. Завели нас в столовую. На скамьях сидят командиры. Грубо оборвали с нас петлицы, отобрали ремни. Грубо, с негодованием посадили на скамью. Это все делали приближенные люди к СМЕРШ. Прокурор начал читать обвинение. В это время зашел связной отдела кадров и передал записку председателю трибунала. Тот почитал, посмотрел в нашу сторону, ухмыльнулся и передал записку прокурору. Прокурор перестал читать обвинение, прочитал записку и вдруг объявляет: «Лейтенант Клюшник, возьмите своя петлица, ремня и пистолет, идти отдел кадров», он плохо говорил по-русски. Почему-то мой пистолет находился в портфеле председателя трибунала. Не веря еще услышанному, забрал ремень, петлицы и пистолет. В голове промелькнула мысль, что как только выйду на улицу подлежу расстрелу без объявления приговора, ведь и такие случаи были.

До ареста все патроны в обойме пистолета были мной помечены насечками финкой. Захожу за скамьи, где сидят командиры, поближе к двери. Достал пистолет, вынул обойму, на ощупь определяю по насечкам, что патроны мои не были разряжены. По всему телу пробегает дрожь, как будто начинается лихорадка. Мысль в голове «убью первого попавшего при выходе на улицу, все равно мне умирать». Толкаю дверь ногой. Идет дождь. Одиннадцать часов ночи, ничего не вижу. Спускаюсь по трем ступенькам. Пистолет наготове. Думаю, очевидно, за углом дома спрятались те, кто меня убьет. Подхожу к углу дома, никого нет. Кладу пистолет в кобуру и бегом в блиндаж отдела кадров. В отделе кадров узнаю, что в дивизию приехал большой начальник со штаба армии, узнал о трибунале и отменил его. Вопрос об изменниках будет заслушан на военном Совете армии. Я должен прибыть в поселок Псекупс к 10-00 утра. Туда вызваны командир дивизии полковник Рахимов и зам начальника политотдела подполковник Зинченко. Всю ночь пешком под

* Речь идет о Приказе № 227 «Ни шагу назад» – Редактор ВС.

† Имеется ввиду младший офицерский состав – Редактор ВС.

бесперывным дождем добирался до штаба армии. В комендатуре армии мне дали командировочное предписание явиться к 18-00 в штаб Черноморской группы войск, который располагался в курортном поселке Макопсе Лазаревского района.

Для сокращения расстояния и времени надо идти вдоль реки по тропе до поселка Новомихайловский. Это мне посоветовали в комендатуре армии, хотя придется переходить несколько раз реку в брод. Путь оказался значительно ближе, но очень сложный. Ночь, идет постоянно дождь с мокрым снегом, ничего не видно. Из-за сильных дождей река переполнилась, несколько раз с трудом пришлось переходить реку. Пока добрался до Новомихайловки, промок до нитки.

На окраине поселка попросился в небольшой домишко, чтобы выжать белье и одежду хотя бы частично от воды. Увидев меня в каком я состоянии, хозяйка дала согласие на мою просьбу. Она вышла в коридорчик с девочкой, а я привел себя в порядок как мог. Хозяйка покормила меня супом из каштана и крупы кукурузы, узваром из лесных груш и кукурузной лепешкой. В знак благодарности подарил ей два немецких носовых платка, они были значительно больше наших и она с радостью покрыла головку девочке одним платком.

На окраине Новомихайловка КПП*. Предъявил документы и меня сразу же пограничники посадили на машину до Макопсе. Сделал отметку в комендатуре штаба, получил пропуск на заседание военного Совета. Времени до заседания еще было много. Решил пойти к морю в надежде найти что-нибудь покушать. Подошел к железнодорожной будке, постучался, услышал детский голос: «дома никого нет и я дверь не открою». Зашел за дом со стороны моря. Около фундамента сухая полоска земли. С каким-то небывалым удовольствием сел на сухую землю, давно не сидел на сухой земле. Спустя некоторое время слышу запах табака, он идет с окошка подвала будки. В подвале старик чинит рыбацкую сеть. Прошу у него что-либо поесть, пояснил кто я такой. Он угостил меня отварными головами от рыб.

Недалеко от будки впадает в море речушка. Предлагаю старику забросить сеть и поймать рыбы. Он дает согласие, только немного позже, потому что гражданским запрещено выходить в море, он ловит только ночью. Уговорил его, что он ляжет в лодку, будет выбрасывать сеть, а я управлять лодкой. Первый заброс неудачный, ничего не поймали. Подплыл ближе к впадению реки в море и снова забросил сеть, но вытащить не можем. Он ругается, обвиняя меня что зацепил за корягу. Начали тащить вдвоем. Оказался очень удачный улов, в основном крупный лобань. После рыбалки старик поставил на стол чугунок с отварной рыбой, но уже срединки. Я много ее поел, но без хлеба кажется желудок пустым, да и зубы хотят что-то пожевать. На прощание старик дал мне крупного лобаня.

Военный Совет перенесли с 18-00 на 24-00. решаю пойти к столовой с надеждой выпросить покушать. Подхожу с тыльной стороны столовой, в это время открывается дверь, выходит работник столовой за дровами. Даю ему рыбу и прошу покушать. Он принес больше чем половина котелка каши гречневой и грамм 500 хлеба. Сел я на дрова и все съел. Почувствовал сытость, лег на дрова и уснул. Проснулся, на лицо капает дождик. Посмотрел на часы — 23-40. бегом в комендатуру. Там меня уже разыскивают. Посчитали, что я удрал. Но когда увидели меня, все успокоились.

Вначале военный Совет проходил в узком кругу, рассматривались какие-то секретные вопросы. Потом был рассмотрен вопрос о присвоении 30-й Иркутской стрелковой дивизии звания — 55-я гвардейская. Вторым вопросом рассмотрено, что в одном из батальонов какой-то части ушел писарь к фашистам. Оперативник штаба армии сделал информацию о ЧП в роте. Выступил комдив полковник Рахимов, в основном обвинял меня. После него выступил замполит дивизии подполковник Зинченко. Он столько лил грязи и обвинил меня врагом народа, я должен быть расстрелян. Мое выступление было кратким и конкретным, и признаю ли я себя виновным. Начал отвечать на вопросы. Стою по стойке смирно. Грязный, мокрый, заросший. Шинель порвана, побита осколками. Сапоги только голенища, ноги обмотаны кусками брезента и завязаны кабелем. На коленях дырки в брюках и кальсонах и все в грязи. В это время заходит адъютант командующего — генерала Петрова Ивана Ефимовича и обращается к Кагановичу Лазарю Моисеевичу, что по прямому проводу вызывает Сталин. На вопрос Петрова — Кагановичу, его мнение по моему вопросу, ответил

* Контрольно-пропускной пункт.

кратко: «командир задачу выполнил, рубеж удержал, где были политработники и работники СМЕРШ?». Со всеми попрощался и подал мне руку! Я был в восторге! Как только Каганович вышел (он был представитель Ставки), Петров резко ударил кулаком по столу и обратился к комдиву Рахимову: «Рахимов, Вы хотите обвинить и отыграться на юноше, все свалить на его плечи? Не пройдет!» он очень ругал Рахимова, но больше досталось замполитотдела дивизии Зинченко. Другие члены военного Совета сделали им полный разнос. Они не ожидали такого оборота...

Военный Совет закончился в пять часов утра 3 декабря 1942 года. Командующий генерал Петров пригласил всех на ужин, хотя это уже было время к утру. Ко мне на ходу подошел полковник Рахимов и произнес: «Ты не ходи столовая, у тебя столько ползает вша». Рядом со мной идущий бывший комбат грубо произнес: «пошел он... пойдем, лейтенант, в столовую». Столовая располагалась в бывшей столовой дома отдыха. Столы на четыре человека, накрыты белыми скатертями. Каждому по стакану сухого вина, острая закуска, первое, второе блюда и компот. Нам официантки вместо компота дали еще сухого вина, я правда, отказался пить, побоялся что буду нетрезв. Комбат выпил и мой стакан вина, и громким голосом говорит, что за всю войну первый раз кушает за столом, теперь ты видишь как кому достается война. Многие повернули головы в нашу сторону! В это время подходит к нашему столу полковник Рахимов и говорит: «комендант, обеспечьте мне машина до Новомихайловской». Я приподнялся и произнес: «есть обеспечить машиной», хотя в голове промелькнула мысль, что кроме вшей у меня ничего нет, ни прав, ни возможностей.

Вышел из столовой, еще темно. Направился к проходной. У шлагбаума стоят полковые машины. Подхожу к последней, постучал в окно. Откликнулся водитель: «Кого надо?». Произношу приказным тоном, что адъютант командующего приказал отвести командира дивизии и его зама до Новомихайловска. Слышу в ответ: «Приказал, так отвезу». Сам думаю, наврал же я, никакого приказа не было, но дальше фронта не пошлют.

Быстро возвращаюсь к комдиву. Докладываю: «Товарищ полковник, машина подана, находится у проходной». Они быстро собрались. Закрываю переднюю дверь за Рахимовым и пытаюсь сесть на заднее сиденье машины, ведь на сиденье один Зенченко. Слышу голос Рахимова: «комендант, ты с нами не поедешь, завтра должен быть в дивизии».

Уехала машина. Сел на камень у шлагбаума и начал в душе чертыхаться на несправедливость в жизни. Решил выйти из зоны штаба на дорогу Сочи-Туапсе и попутными добраться до Новомихайловской. Машин идет много, но никто не берет. Прошел пешком километров пять. Сбоку дороги стоит трехосный двухтонный грузовик. Водитель монтирует колесо. Кабина деревянная, правая дверь закручена проволокой, не держит замок. Машина загружена ящиками небольшого размера. Смонтировали колесо. Через дверь водителя забрался в кабину. Ну, думаю, хоть здесь повезло. Доехали к нефтегородку Туапсе, до речки метров 200–300. Слышу вой пикирующего самолета. Водитель выключил зажигание и быстро удалился из машины. Пока я перебирался мимо руля водителя автомобиля, начали рваться бомбы. Швырнуло меня взрывной волной в кювет дороги. Стали сыпаться с машины ящики, куски земли, ветки деревьев. Открываю глаза, какое-то приведение, вижу колбасу. Протираю рукавом глаза, опять вижу кругом лежит колбаса. Засовываю колбасу в карманы, в голенище сапог, за пазуху, и, несмотря на то, что крепко досталось ящиком по спине, бегом к речке. Самолеты снова заходят с моря для бомбежки, но начали бомбить порт.

Спустя некоторое время снова пошли машины к фронту. Прошусь, но никто не берет. Потом сообразил. Поднимаю одну колбасину. Первый же водитель остановился. Даю ему колбасу и прошусь до Новомихайловской. Он меня с удовольствием берет.

В Новомихайловском решил отблагодарить женщину, которая меня приютила и накормила днем раньше. Дома ее не оказалось. Привязал к замку двери два круга колбасы, накинул тряпку, чтобы не видно было колбасу и ушел.

Всю дорогу до дивизии шел снег с дождем. Добрался до штаба мокрый, усталый, почти совсем босой, но довольный результатом Военного Совета. С упоением рассказываю красноармейцам, окружившим меня, как проходил Военный Совет. В это время заходит связной прокурора дивизии и вручает мне повестку, в 23-00 явится на суд. Мысль в голове, что значит решили устроить надо мной расправу. Старшина роты с этой повесткой побежал

к начальнику штаба дивизии полковнику Янковскому. Это изумительно добрый человек, к нему мог обратиться любой, и он всегда давал умный, добрый совет. Он порекомендовал старшине обратиться к замкомдиву полковнику Санюку. Санюк позвонил комдиву Рахимову. Комдив приказал мне явиться к нему с повесткой. Прочитав повестку, комдив приказал адъютанту вызвать к нему прокурора. По прибытии прокурора комдив его очень ругал, оскорблял, что он нарушитель законов и должен выполнить приказ Военного Совета, который будет получен. Таким образом я был освобожден от трибунала и приступил к исполнению обязанностей коменданта штаба дивизии и командира комендантской роты.

Трибунал состоялся – политрука и парторга осудили. Когда я стал адъютантом комдива, я пытался разыскать политрука роты и парторга. Парторга я нашел в штрафной роте и сумел его забрать в комендантскую роту дивизии, а политрука не смог найти. После войны пытался найти его, но безуспешно...

УДК 94

Записки командира комендантской роты

Илья Петрович Ключник

Общество ветеранов Великой Отечественной войны г. Сочи, Российская Федерация

Аннотация. В «Записках» представлены мемуары командира комендантской роты 396-й шахтерской стрелковой дивизии периода Великой Отечественной войны. Уделено внимание боям на подступах к Туапсе, повседневной жизни солдат и офицеров Рабоче-крестьянской Красной армии. Особое значение в мемуарах имеют материалы об использовании «камнеметов» – элементов военной хитрости. Рукопись публикуется впервые.

Ключевые слова: комендантская рота; 395-я шахтерская стрелковая дивизия; боевые действия; трибунал; Иван Петрович Ключник; мемуары.

Copyright © 2014 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Voennyi Sbornik
Has been issued since 1858.
ISSN: 2309-6322
Vol. 5, No. 3, pp. 175-186, 2014

DOI: 10.13187/issn.2309-6322

www.ejournal6.com

UDC 950/960

Asia-Pacific Regional Security After the Cold War: Confrontation or the Movement Towards Consent?

Elena Yu. Litsareva

Tomsk State University, Russian Federation
Prospect Lenina, 36, Tomsk, 634050
Dr. (History), Professor
E-mail: elits2011@mail.ru

Abstract

The article examines the security issues in the Asia-Pacific region after the cold war. At that time Asia-Pacific region was the only world region with the domination of the economic regional ties and not actually increasing the influence of the military factor. The security issues in the Asia-Pacific region have been limited to the maintenance of stability, at both the national and regional levels. Security, freedom and prosperity in the region were directly dependent on the “postmodern” principles of negotiations, compromises and economic cooperation. Most regional countries were turned into the “postmodernist” states, invested significant economic potential not into the militarization, but into the welfare strengthening at national and regional levels. However, there were unresolved regional conflicts and destabilizing factors. A struggle for the political leadership was one of the tension sources. At the beginning of the twenty-first century the "postmodern" principles in the region have been shattered, because of the threat of nuclear proliferation became especially acutely in the whole of the East Asia, in both the South and the North. In the spring of 2013, the Asia-Pacific region was the center of a military confrontation, and developments at the Korean peninsula - an indication that the East Asia countries have yet to develop the effective system of the security in the region.

Keywords: Asia-Pacific region; regional security; cold war; Korean peninsula; military confrontation.

Introduction

The Asia-Pacific region has always attracted the close attention of the policy makers and the researchers. In the first half of the 1970's, it was connected with the events of a historical significance. There was a struggle in the region for the spheres of the influence by the great powers- the United States, Japan and the USSR. The first studies on the Asia-Pacific region “flourishing” began to appear in the 1970's. These studies separated the region of the Pacific Ocean, as some economic and political integrity, from the other regions of the world, especially from the Western Europe and said that the future belongs to the East Asia [1. P. 14-15]. A number of researchers, in particular, the American experts (for example the researches of the Stanford University, Institute of International Studies (University of California) and Hoover Institution on War, Revolution and

Peace) said that the centre of the world policy moves to the East, in particular to the Asia-Pacific region.

Materials and Methods

The major sources for this article are the Asia-Pacific regional summit declarations, treaties and statements of various political leaders. Expert opinions, concerning these issues, were collected on open resources, namely on special websites and journal publications. Methods. The author of the article uses comparative-historical and problem-chronological methods.

Discussion

The development of the Asia-Pacific regional concept of security can be divided into two key periods: the post-cold war era 1990s and the first decade of the 21 century.

The post-cold war era 1990s. Against the backdrop of depressed world economy and the slowdown of the international trade at the beginning of 1990s there were high growth rates (6 %) of the Asia-Pacific region countries and the demonstration of the most successful economic development models (South Korea, Taiwan, Singapore, Hong Kong)[2. P.136]. In all, at that time the Asia-Pacific region was the only world region with the domination of economic regional ties and not actually increasing the influence of the military factor.

However, there were unresolved regional conflicts and destabilizing factors: the challenge of both North and South Korea's dialogue; the continuing confrontation between the Mainland China and Taiwan, (especially the position of the United States in this matter); the territorial unity of Indonesia and the East Timor; the situation in Cambodia, Myanmar, Papua New Guinea; the territorial disputes in the South China Sea. Except Singapore and Brunei, in almost all the South-East Asia countries, there were ethnic conflicts, extremism and terrorism problems, including the Islamic fundamentalism. In this respect, situations in the Philippines, Myanmar and Indonesia (after the President M. Suharto's resignation in 1998) were not stable. Along with the terrorism and extremism in the East and South-East Asia there were the threats of a piracy, drug and human trafficking.

Some unresolved political and psychological conflicts in the region had historical roots. It was connected with the consequence of Japanese colonial period. China had continued to remind about the Japanese expansionism during the World War the second, and a lack of Japan remorse when Japanese atrocities during the war were understated. This caused a sharp reaction in Japan. However, some ultranationalist answers of young Japanese and Chinese were the most worrying [3. P. 60]. Sometimes all this led to the anger from China, the Republic of Korea and the countries of the South-East Asia, especially when the Japanese leadership was too clearly sought to strengthen its political activity in the region, not content with a merely economic influence.

After the end of the cold war, one of the tension sources in the East Asia had become a struggle for the political leadership. The fight was against the backdrop of rapid economic and military growth of China, strengthen its relations with ASEAN, and the China's greater role in the North Korean nuclear crisis. All this happened while reducing the weight of Russia in the 1990s, and the lack of a clear position of the United States regarding the determination of the Asia-Pacific region place in its foreign policy strategy. For the most countries in the region, especially for China, the United States position in the field of security was the main problem in the post-cold war era. First of all, it wasn't so sure that America, in fact, was the sole superpower of the world. At the same time, the formation of a multipolar world order, as felt in China, for example, was to counteract the United States military predominance. Moreover, it was obvious that the United States, in principle, had not enough financial or technical resources for supporting the predominance.

Commending the role of the Association of the South-East Asia Nations and especially the efforts of individual ASEAN members, China considered this organization as one of the potential poles of the future multipolar world order. ASEAN's desire to maintain the South-East Asia as a peaceful and neutral region, free from domination by any regional or extra regional powers, fully coincided with the interests of China.

The security issues in the Asia-Pacific region after the cold war have been limited to the maintenance of stability, at both the national and regional levels. First of all, the South-East Asia countries were concerned about the national security strategies, in which, an economic component

began to play a special role. Initially, when the ASEAN was founded (1976), regional cooperation was considered as a mechanism for the protection of member countries against those states which were outside the Association, if the threat came from them, or from the confrontation between them - the Soviet Union or the United States in the cold-war era, or Vietnam, the USSR and China at some other periods.

Some researchers, analyzing the reasons for foundation of the ASEAN, stressed that in the face of the growing threat of communism in the South-East Asia, accelerated Indochina transition to communism and the intention of the West to withdraw its military forces from the region, the South-East Asia countries decided to stimulate their economic development and promote regional security [4. P. 27-28, 5. P. 3-4].

For a long time the security strategy in the Asia-Pacific region was associated with the ASEAN security strategy and strengthening of a peace and stability as well as prosperity. For that the ASEAN countries had formed a Regional Forum (ARF) in 1993. The first meeting of the Forum on the regional security took place in Bangkok on July 25, 1994. 18 states participated in the work of Forum – the ASEAN foreign ministers, foreign ministers of the dialogue partners of the Association (United States, Japan, Canada, Australia, New Zealand, South Korea and the EU) and the foreign ministers of the advice partners (Russia, China, Vietnam, Laos). The ability to "attract all large, medium and smaller powers outside the South-East Asia to ASEAN platform for regional cooperation and confidence-building in East Asia and the Asia-Pacific region" was a very important aspect of the South-East Asia states activities [6]. Already at the first meeting of the states participants had made the Declaration that the development of security in one part of the Asia-Pacific region can affect the security of the region as a whole. This Forum sought to promote the political dialogue on security and cooperation matters. Having no real military and political structures to deal with the security issues, the ASEAN Regional Forum had focused its attention on discussing the aspects and measures of "preventive diplomacy"[7, 8. P. 338]. Russia supported the initiative of the ASEAN to establish the ASEAN Regional Forum and considered the ARF not only as an essential mechanism for dialogue on stability building in the Asia-Pacific region, but also a tool for promoting the concept of a multipolar world.

The intention of the United States to reduce its direct military presence in the region made a significant impact on changing the balance of power in the Asia-Pacific region after the collapse of the Soviet Union and the termination of the Soviet military threat. It was connected with a problem of the allies and military bases. This problem was not directly related to the United States "joint defense agreements" with South Korea (1953) and Taiwan (1954), which were an integral part of the United States and the Soviet Union military blocs and alliances system after the World War II. In addition to Taiwan and South Korea, the United States had similar agreements with Japan, Australia, New Zealand and the Philippines, and the Soviet Union-with the People's Republic of China. The "Block policy" of the United States and its allies in the Asia-Pacific region was not such successful as in other regions. Established blocks (ANZUS-Australia, New Zealand, the United States (1951) and SEATO-United States, United Kingdom, France, Australia, New Zealand, the Philippines, Thailand, Pakistan (1954)) were not sustained, such as the NATO. They virtually ceased in 1970s. Charles Kupchan, the researcher of Georgetown University, associated this with a lack of any identity and cultural community of the United States with the Asia-Pacific countries, unlike the European region [9].

With the United States troops and assistance, the South Korea and Taiwan had become important strategic locations in the region. They were, in fact, the US military bases in the East Asia. The United States supplied weapons to Taiwan army and planned to turn the South Korea into a factor of global military-strategic importance. In addition, the United States and Japan provided economic assistance, loans and credits to Taiwan and South Korea (since the mid 1960s).

The Government of Japan was not interested in the US withdrawal from the region and leaving the union with America. The US-Japan Partnership and concluded in 1952 the "Covenant of security" between Japan and the United States, which allowed the United States to place in Japan air and sea forces, remained the focus of Japanese foreign policy and national security strategy. They took into account, first of all, China's desire to become a regional leader, surpassing Japan's position, instability in Russia and the Japanese security problems in North-East Asia and on the Korean peninsula [10. P. 21-22, 24].

The problem of American military bases directly concerned the countries of the South-East Asia. After the end of the cold war between the East and the West, the United States, which until then had kept control of the South-East Asia, were to withdraw its armed forces. This took place against the backdrop of increasing China's military presence in Asia. China had actively pursued a policy of "rich country, strong army", annually increasing defense spending.

The concern of the region countries was the fact that China had kept secret the real state of its armed forces. Judging by the apparent modernization of the navy and air force, in addition to official statistics on defense spending, China had not reported about the actual cost. China also demanded that the EU lifted imposed in 1989(after the events of Tiananmen) embargo on imports of weapons and technology.

The escalation of the situation came about when China started to build up its navy in connection with the liquidation of the American military bases at the Philippines. The South-East Asia countries and India saw it as an attempt by China to use vacuum, formed after the withdrawal of the American troops, and to become military leader in the region. The negotiations on conditions for maintaining the US military bases over the next three years began in April 1988 in Manila after coming to power President K. Aquino. First of all, the negotiations involved two objects –the Subic Bay and Clark Field. Existing formal differences, caused by the Philippines' desire to obtain from the United States increasing rents, had led, in the end, the Philippine Senate approved a bill, prohibiting the placing on the national territory and the transit of nuclear weapons, as well as through the national water ships with nuclear weapons aboard.

January 4, 1992 the United States and Singapore, which developed military cooperation with the United States in the framework of signed in November 1990 a memorandum on the relationship, had agreed to transfer the US naval command base at the Subic Bay in 1993 to the territory of Singapore. It was planned transfer to the territory of Singapore the services, responsible for logistic support ships of the United States seventh fleet too. But it was not meant a creation bases at Singapore similar the Subic Bay and Clark Field. America had planned to move to a new strategy, aimed at the creation of wide network of smaller bases in the Asia-Pacific region. Thus, the ships could be dispersed among the various, relatively small logistical support fleet objects, but not in one location. America had planned to create the same objects for its navy and air force in other countries in the South-East Asia, while Malaysia and Indonesia had opposed. The Indonesia as the largest country of the Association of the South-East Asia Nations supported the establishment of peace and neutrality zone in the South-East Asia and believed that the foreign bases should be withdrawn from the region. So it was not an easy task to justify the actions of Indonesia's Association partner -Singapore. Indonesia's leaders had come to a compromise solution: to consider that the United States and Singapore agreement applies to the bilateral relationship memorandum, which includes the use of military facilities in Singapore, but precludes the establishment of military bases. Malaysia, Indonesia and Singapore had offered ports and airfields for the service of American aircraft and ships [10. P. 21-22].

In general, the relations between the United States and the Association of the South-East Asia Nations in the 1990s were under the recession. This was connected with not quite the correct assessment of the strategic situation in the Asia-Pacific region by William J. Clinton Administration. Traditional low value of ASEAN's assessment by W. Clinton Administration for eight years "has not changed and has been regarded [ASEAN] as a lack of interest in him"[11]. The United States believed that after the end of the cold war the need to support regional groups, which previously were considered as a counterweight to the other great powers, eliminated. So, the US removed the Association from its foreign policy priority, misjudging the ASEAN potential for the integration, both at the subregional and regional levels.

In accordance with the "National Security Strategy of Engagement and Enlargement" (base document of "the Clinton doctrine"), the United States had focused in the East Asia on the "constructive engagement" of China. It was due to the fact that the strengthening of China as a regional centre was regarded by W. Clinton Administration as the main threat to establish global hegemony of the United States [12]. The situation in the South-East Asia was seen as being based on the US-Chinese relations, the ASEAN - as a group of small countries, which depend on these great states and strategic balance between them. The foreign policy of the Association's position was seen as a passive and lacking unity. Based on this, US relations with the countries of the region had developed mainly at the bilateral level. Reducing the significance of the South-East Asia in the

hierarchy of the United States national interests had resulted in the reduction of the permanent American troop's presence on the South-East Asia countries territory [13].

Despite the position of the US, the most countries in the region preferred preservation of the United States leadership (i.e. status quo) in the Asia-Pacific region. The regional states, due to the rapid economic development in the context of the cold war end, when the United States expressed their intention to gradually reduce the American armed forces presence in the region, gained the financial capacity to strengthen their military positions. At the same time, they knew perfectly well, that under the circumstances significant proportions of the funding, previously running on internal development and "economy growth", have to spend on the military needs. This became inevitable on the background of the Mainland China's growing and frightening power and led to another problem - the countries of the region have been actively engaged in arms build-up and modernization of the weapons.

Taiwan increased its forces to ensure the right of control over the Taiwan Strait. Malaysia had bought the United States FA-18 fighter planes. New Delhi and Kuala Lumpur had agreed to maintenance of MiG-29, which was purchased by Malaysia, and training their crews. The South-East Asia countries had high hopes for India as a deterrent to China in these years. The countries of the South-East Asia had a special interest in the Russian latest weapons technology. In June 1994, Malaysia had entered into an agreement with Russia to purchase MiG-29 and partnership relations between Russia and Malaysia were established in the same year [10. P. 22-23].

Expressing the desire to keep the United States presence in the region, the states of the South-East Asia, at the same time, expressed the dissatisfaction with the ideas of "democratic peace", based on western (American) liberal values (the "Clinton doctrine"). Particularly, the ASEAN countries reacted negatively to the criticism by W. Clinton administration of the military Myanmar Government, because such behavior was contrary to the principles of the ASEAN. Myanmar has always played an important role for the South-East Asia. The successful solution to the Myanmar situation has affected the ASEAN cooperation with other regional groups and countries that invested in the South-East Asia (the Asia-Europe Meeting, for example). At that time there have been situations when further cooperation with these countries and regional associations were depending on ASEAN's ability to resolve regional conflicts, ensuring the security in the region. So, the issue of Myanmar was one of the key issues in this regard. Myanmar's gradual return to the political arena has increased its value to the regional context.

The need to limit interference in the regional affairs of the "great powers" had led to the election of the ASEAN leaders a special strategy to attract these powers in the multilateral regional arrangements. This helped to maintain the "great powers" interest in the stable development of the region and action within the framework of certain principles of a conduct, elaborated by the Association. These standards were to be found in the Zone of Peace, Freedom and Neutrality Declaration (1971), the Treaty of Amity and Cooperation in South-East Asia (1976) and the Treaty on the South-East Asia Nuclear Weapon Free-Zone (Bangkok, 1995). The guiding principles of the strategy were: to prevent domination by any one country; to develop ASEAN rules of conduct; to avoid imposing any external rules. With the help of "passive resistance", ASEAN countries were able to avoid not only conflict with the world's leading powers, but forced them to take into account the interests and views of the Association in dealing with various issues, using multiple, but delicate waivers of non-regional players economic and political cooperation constructions.

The Association states were based on the "ASEAN method". The "non-interference in the internal affairs of one another" and consensus were fundamental principles of this method. The culture of the ASEAN political dialogue was to achieve consensus through long negotiating process. Leaders of the Association consistently emphasized the specificity of this organization. They said that due to historical, cultural and political reasons, the ASEAN always preferred informal understanding and voluntary agreements [14]. This "ASEAN method" justified itself with the development of the Association relation to the regime of nuclear and other mass destruction weapons non-proliferation, as well as the situation in the South China Sea. For a long time there was a dispute in this region over the Spratly archipelago and a number of other islands ownership. In June 1995 the balance of power in the region had changed in connection with the Vietnam's membership in ASEAN. The Association "came out" to the southern borders of the Mainland China and the ASEAN member states (Brunei, Malaysia, the Philippines and Vietnam), as well as Taiwan, began to confront China in the territorial dispute. In addition, China announced the sovereignty

over the entire area of the South China Sea. Thanks to the efforts of the ASEAN countries to involve China in bilateral and multilateral relationships the position of China on this issue was becoming more moderate. China has established official relations with ASEAN in 1991 and became a full dialogue partner of ASEAN in 1996, signing the Treaty of Amity and Cooperation in South-East Asia (1976). Along with Japan, China has been of great assistance to the region in 1997, when the financial and economic crisis erupted. Since the late 1990s the ASEAN and China have been developing the mechanisms for strategic development of the East Asia, security issues and making the Asia-Pacific region in sustainable stability place. Japan and South Korea also joined this process and the "ASEAN plus three" format was created [2. P. 190].

Thus, during the period under review, on the basis of the main trends in the development of the East Asia region, in general, the structure of the regional balance of power could be expressed in the form of such system as "China-United States-Japan" with the center of the ASEAN. The appearance of this marked on the balance of the entire East Asia region. All the participants of this system were interested in its stability, which largely depended on the balance of the ASEAN relationship with other parties. Then Russia gradually joined this system. It was finding a balance in relations with all of the great powers, remained a key challenge of ASEAN security concept.

The first decade of the 21 century. The terror attacks in the United States on September 11, 2001 have made significant changes in the balance of power in the Asia-Pacific region and the world at large. The global war against terror around the world and the United States doctrine of "preventive actions"(2002) have led to alertness of regional leaders. It was necessary to strike a balance between maintaining the loyalty of the population, often demonstrating the anti-American and Pan-Asian sentiments and the need to support the United States actions [15].

In many ways, the underestimation of the South-East Asia by W. Clinton Administration and the unilateral policy of J. Bush Administration led to raise anti-American sentiments in some ASEAN countries, such as Malaysia. For a long time the United States did not hide its negative attitude to the ASEAN Regional Forum, as the Forum was initiated by the ASEAN and acted on the programmer and in accordance with the principles of the Association, leaving no hope for a leadership to the United States in security matters in the region. During the Presidency of J. Bush the US Secretary of State C. Rice rarely attended the ARF meetings. The United States for a long time refused to accede to the Treaty of Amity and Cooperation in South-East Asia (1976), fearing the loss of the "free hand" in the region. America had not participated in the negotiations on the signing of the Treaty on the South-East Asia Nuclear Weapon Free-Zone Protocol. In addition, the United States traditionally have not supported the East Asia multilateralism and seek their own interests, mainly through the development of bilateral ties. They actively enhanced relations with the South-East Asia states, including with non-traditional allies of the United States (for example, Indonesia and Vietnam), using the conditions of the war against international terrorism. During this period, a number of agreements on military cooperation have been signed with Thailand and the Philippines, which were granted the status of strategic allies outside the NATO.

In April 2000, the United States and Singapore signed an agreement on the mutual security of supply and provision of technical services to the armed forces. The United States navy received the right to use the base of the air force-Paya Lebar and naval base - Changi for operations in the Malacca Strait, and then widely used to supply the United States and NATO troops in Afghanistan. The United States began to return their troops to the former base in Thailand and the Philippines. The anti-terrorist centre and two new navy bases were established in Thailand in 2003. The United States fully restored military ties with Indonesia in 2005. A new, unprecedented negotiation format of Vietnam and the United States dialogue on political-military affairs was established in October 2008. This format included regular mutual visits by the state heads and defense ministers of the two countries.

More significant changes in American policy toward the South-East Asia occurred with the advent of B. Obama Administration. The US Secretary of State Hillary Clinton visited Indonesia and ASEAN secretariat in Jakarta in February 2009 during the first foreign visit. She signed the Treaty of Amity and Cooperation in South-East Asia (1976) in July 2009 at the regular session of the ARF. The United States back to the negotiating table on the signing of the Treaty on the South-East Asia Nuclear Weapon Free-Zone Protocol. At the same time, the South-East Asia countries have not focused on the US military build-up and strengthening of military alliances. It was

necessary to develop a programmer of cooperation that would solve the most acute problems of the region [16].

Moreover, if the United States showed interest in the military-political cooperation, security issues, China had focused attention on the economic and socio-cultural aspects of cooperation with the region countries. It concerned not only ASEAN, but also the East Asia as a whole. In the first decade of the 21st century the United States policy in the region and in particular in the North-East Asia was largely determined by competition with China [9]. The United States were very concerned that with the development of the East Asian regionalism and the strengthening of the China, Mainland China could replace the United States in terms of the influence in the region, thus reducing the role of the US. In fact, the problem to take a seat of the United States in the East Asia had not been a priority for China. The Mainland China had to solve various internal problems of the country and improve the well-being of the Chinese people. In addition, the Chinese leadership understood that the United States played a key role in the regional security, and China itself had no real potential to reduce the influence of the United States in the region, which was determined by not only a military presence in the region, but also the state of the US economy [17. P. 58-59].

At the same time, economically powerful China has become one of the strongest military powers. An expert on China, Doctor Pierre Picquart from the University of Paris-VIII notes that Chinese army receives a new technology and fighters such as F14, and the Chinese army is the largest army in the world with personnel in 1250000. In addition, the military budget of China must be 238 billion dollars in 2015. The Director of the Institute for international and strategic studies, Jean-Vincent Brisset stresses that the military program adopted in the country till 2030, bases not only on the protection of the China's sovereignty, but also on the formation of a powerful fleet, which can be able to conduct operations far from China's shores. Assumes that China should be able to prevent the presence of any foreign forces in Chinese waters (which, according to the Chinese leadership, extending to the center of the Pacific). In this regard, the American aircraft carriers are the main enemy of the Beijing [18].

China, faced with the "policy of restraint" on the part of the United States and the continued vigilance of the countries of the region to its might, had to operate "soft influence" in the Asia-Pacific region [19]. China has been included in the work of the bilateral and multilateral cooperation frameworks, used the mechanism of "economic diplomacy", providing investment in the countries of the Indochina, recently acceded to the ASEAN, developed military cooperation with the US traditional allies - the Philippines and Thailand. China was the first country outside the ASEAN, which acquired the status of a "strategic partner" of the Association. This led to the new rise of the China- South-East Asia relations [20]. At the 7th ASEAN Summit (October 8, 2003) China and member countries of the Association signed a Declaration on strategic partnership for peace and prosperity, which was defined as non-military, open and not denying the right to develop comprehensive ties of friendship and cooperation with the other countries [21].

The countries of the region were positive that China supported cooperation on a peace and security in the region, but not engaged the South-East Asia states in any military alliances. China did not impose sanctions on Myanmar authoritarian regimes in contrast to the United States and the EU. At the same time, there were differences in China and ACEAH approaches to regional issues. ASEAN leaders supported the Chinese colleagues that there was a need for a new world order to replace the post bipolar world. But the Beijing has maintained that the new world order should be based on the principle of "multi-polarity". The ASEAN countries have advocated the principle of multilateralism, which assumed equality between the States with collective participation in addressing problems without any "poles" and "big brother" in the face of China or any other State.

In this regard, the States of the South-East Asia were more impressed "the doctrine of Koizumi" (formulated by Japan in 2002). The essence of this doctrine was to enhance cooperation with the ASEAN countries in economy and security matters on the basis of equality and respect [22]. Despite domestic difficulties, associated with the effects of economic and political crises of the 1990s, Japan carefully watched a changing strategic environment in the Asia-Pacific region and the rise of China. By all means Japan tried to gain a foothold in the East Asia. In addition, the United States insisted that Japan should play a more active political role, not only in the region but also beyond it. Japanese leaders regarded an economically strong and politically stable South-East Asia as a counterweight to China and real opportunity to retain their positions [23. P. 157]. In addition,

Japan has always actively supported the establishment of the ASEAN Regional Forum, as well as contributed to the formation of the Council for the Security Cooperation in the Asia-Pacific region - the largest non-governmental organization set up to support the ARF.

The vital Russia's political and economic interests, along with the modernization of the Eastern Siberia and the Far East, caused the need to ensure own security in the Asia-Pacific region. Developing key provisions of Russia's foreign policy concept and Eurasian mission, it was necessary to have taken into account, that in conditions of market development and existing of a multipolar world, Russia should pursue an active policy, at both the Asian and European destinations. In practice, the Asian direction of the Russian foreign policy has significantly lagged behind the needs and strategic interests of the Russia. The reasons for this underdevelopment lay in the 1990s, when there was a large-scale size reduction of the Russian armed forces in the Far East, leading to the passivity of the Russian presence in the region. This greatly reduced the ability of Russia to act as a deterrent against the United States, defending its leadership, and China. The situation in the Asia-Pacific region was uncertain, but there were not any East Asian countries fears about the Russia's ambitions in the region and a threat to peace and stability with its hand. This approach to Russia meant a profound transformation after the cold war.

At the new conditions the Russia Federation supported the countries of the East Asia in ensuring security and stability in the region. This primarily concerned the efforts of the ASEAN to establish a South-East Asia nuclear weapon free zone. It was, as thought the Russian leadership, a real contribution to strengthening the nuclear non-proliferation regime and enhancing regional and global security. In 2003, the Ministers of Foreign Affairs of the Russian Federation and the ASEAN signed a joint Declaration on partnership for peace and security, prosperity and development in the Asia-Pacific region. In 2004 Russia had acceded to the Treaty of Amity and Cooperation in South-East Asia (1976) [24]. During the first Summit (Kuala Lumpur, December 13, 2005) Russia and ASEAN adopted a Declaration on the development of a comprehensive partnership. The goals were to achieve economic growth, sustainable development, prosperity and social progress of the ASEAN countries and the Russian Federation on the basis of the principles of equality, mutual benefit and shared responsibility and to promote peace and prosperity in the Asia-Pacific region [25].

By the beginning of the 21st century the threat of nuclear proliferation became especially acutely in the whole of the East Asia, in both the South and the North. The Nuclear Weapon Free-Zone in the South-East Asia, based on the Bangkok Treaty (1995), has played a key role for the region. Working closely with the traditional international mechanisms of a non-proliferation, the South-East Asia Nuclear Weapon Free-Zone was established to be of exceptional regional Institute for the non-proliferation regime in the South-East Asia [26]. This unique mechanism combines in a single security space very disparate regional countries. In accordance with the concept of the ASEAN development, the Nuclear Weapon Free-Zone was a step towards the establishment of a Zone of peace, freedom and neutrality in the region. The implementation of this project became a new stage in the foreign policy thinking of the South-East Asia countries. However, the States parties failed to significantly advance as to the process of negotiations with the nuclear-weapon countries to sign the special Protocol of the Treaty on the South-East Asia Nuclear Weapon Free-Zone. According to the Protocol, the nuclear-weapon States undertook a number of commitments: not to use or threaten to use nuclear weapons to member countries of the Treaty on the South-East Asia Nuclear Weapon Free-Zone; should declare their intention to contribute to the achievement of general and complete disarmament of the nuclear weapons. The reluctance of the nuclear-weapon States to sign the Protocol to the Treaty on the South-East Asia Nuclear Weapon Free-Zone was a major limiting factor, reduces the effectiveness of a Nuclear Weapon Free-Zone, and the entire non-proliferation regime of the nuclear weapons in the region. One of the most logical solutions to this problem is the signing of this Protocol individually by each country of the "nuclear five" with reservations, actual, desired and arranged by all parties concerned.

Another item of concern to the world community on the non-proliferation regime became Myanmar. Since 2000, Myanmar repeatedly was suspected in an attempt to gain access to the nuclear weapons technology. In this regard, the intensive development of contacts between Myanmar and North Korea (the wrongdoing state of the Treaty on the Non-Proliferation of the Nuclear Weapons) in the military sphere was the main threat.

Along with the attention that the countries of the South-East Asia have given nuclear non-proliferation regime and the establishment of a Nuclear Weapon Free-Zone in the region, a special place in the politics of the ASEAN states have held the national programmers for the development of the nuclear energy as an one of the foundations of nuclear safety. Over the last decade, the South-East Asia has become the region demonstrated a high degree of interest in the power of the atom. The intention of the South-East Asia countries to develop a nuclear power caused concern of the international community. Such development was to take place in the countries, that were a new on nuclear market, and it could carry a certain risk. In these countries there were not the necessary legal and regulatory frameworks and a sufficient number of professional staff, and there was a high level of terrorist threat. According to the international expert community, in general, the South-East Asia countries, with the exception of Myanmar, did not pose a threat for the international non-proliferation regime and had not significant risks. In most cases, the governments of the South-East Asia states have always attached great importance to the traditional non-proliferation international mechanisms, such as the International Atomic Energy Agency (IAEA), the Treaty on the Non-Proliferation of the Nuclear Weapons, as well as an export control mechanisms.

The greatest threat to security in the Asia-Pacific region at the first decade of the 21st century represented the situation in North-East Asia. This was due to the developments on the Korean peninsula and the issue of the North Korea. North Korea's nuclear tests showed the inefficiency of the existing political and military means to counter the spread of the nuclear weapons. In 2006 the Pyongyang held the first underground explosion of a nuclear device. In 2007 in the course of the six-party talks (the North Korea (DPRK), Republic of Korea, China, Japan, Russia and the United States), an agreement on a phased implementation of the denuclearization by the North Korea was reached. At the same time, the Yongbyon reactors were stopped.

The North Korean nuclear program was an "experimental platform" for the coordination of the parties involved in the field of Asia-Pacific region security. In addition, the six-party talks on the North Korean nuclear problem could be a step towards the establishment of a multilateral system of security in the region. With a new security challenges and threats China, South Korea and Russia have promoted the idea of keeping this format after the settlement of the crisis in the North Korea. But the North Korea has considered nuclear programmer not as a tool of war deterrence, but rather as a means of obtaining financial assistance from the United States and security guarantees. Some experts have argued that for many years the United States closed their eyes on the North Korea, helped her to create the atomic industry and even allowed (unlike Iraq) to get hold of nuclear weapons. In their view, the Pyongyang was "a useful enemy" and the pretext for the American military presence in the South of China. The purpose of such "Asian belt" was not only to counter the North Korean threat (real risk, but at the same time a pretext for maintaining American bases), but also "surrounding of China" (the present geo-strategic enemy of the United States), which together with Russia was a member of the Shanghai Cooperation Organization - an Alliance of former Soviet republics and China against American hegemony [27].

Over the past decades, the North Korea many times promised to inflict a crushing blow on the "United States puppets" in the South of the peninsula, declared martial law, the mobilization of the army and the large-scale exercises. As a rule, the North Korea alternated periods of provocation with periods of tension-reducing, when the DPRK, under pressure of China agreed to return to the negotiating table renouncing nuclear weapons on the peninsula. For years the Beijing has provided an economic assistance to the North Korea and diplomatic protection from the United States and other States. Gradually, the North Korea became a very restless ally for China, which increasingly put him in an uncomfortable situation. The DPRK was not subordinated to any dictates, even from China. China found itself in a difficult situation. On the one hand, China wanted to stand in one number with other Nations, on the other hand, could not throw its ally. There have been two military incident in 2010 - the South Korean Corvette "Cheonan" sinking by the North Korean submarine and the shelling of the island Ænphënd. Because of the new leadership of Kim Jong Un, the North Korean regime tone tightened in February 2013. It was important for Kim Jong Un to strengthen position and power, as all regional leaders were a new: the new Government in China, the new President of South Korea, the new Prime Minister in Japan [28].

Nuclear test in February 2013 led to the strengthening of the UN sanctions and threats of retaliation from the Pyongyang. The international community should look at the North Korean more seriously [29]. The North Korean threat to use nuclear weapons to the United States, the

consolidation of nuclear status in the State Constitution and resumption of the plutonium producing reactor in the Yongbyon had irreversible consequences not only for the Asia but also for the whole world. At the same time, it was not clear whether the North Korean is a full-fledged nuclear power ready to use the nuclear weapons.

The expert of the International Institute for strategic studies Mark Fitzpatrick speculated that probably North Korea has purchased the technology for weapons manufacturing (based on enriched uranium) from the same Pakistan suppliers that sold nuclear technology to Libya and Iran [30]. It is also known that the North Korean missile programmer developed in collaboration with Iranian and Pakistan programmers, and some tests could take place on the territory of these countries.

The North Korea threats of nuclear attack on the United States and the Republic of Korea in the spring of 2013 have led to the intention to strengthen the United States missile defense in Alaska by 2017 through 14 interceptors [28]. The United States did not believe in the early disappearance of the attack threat from the North Korea and had intended to place the ground-based interception complex for high-rise of medium-range missiles on Guam [31]. The North Korean nuclear threat to the United States and the South Korea automatically launched the mechanism of preventive action, including the buildup of American military power in the region and the concentration of the intelligence assets on the Korean peninsula that was not so far from the Northeast China and the Russian Far East.

Thus, in conclusion, in the spring of 2013, the Asia-Pacific region has become the center of a military confrontation, and developments on the Korean peninsula - an indication that the Asia-Pacific countries have yet to develop the effective system of the security in the region. And it will be very difficult to do. So the "postmodern" principles in the region have been shattered.

References:

1. Arin O. Asia-Pacific region: myths, illusions and reality. Moscow, 1997.435p.
2. Litsareva E. Economic integration on the European continent and at the Asia-Pacific region in the second half of the 20th century. Tomsk: Tomsk University Publishing House, 2004. 222p.
3. Soogil Y. Prospects for East Asia Community [Electronic resource] // The Trilateral Commission, pp. 60-64. URL: http://www.trilateral.org/download/file/annual_meeting/eastasia_prospects.pdf (accessed 4. 01. 2014)
4. Ravenhill J. APEC and the Construction of Pacific Rim Regionalism. Cambridge Univ. Press, 2000. 294 p.
5. Tongzon J. The economies of Southeast Asia. Before and after the crisis. Second edition. Cheltenham, UK, Northampton, MA, USA, 2002. 308 p.
6. Jawhar H. Trust-Building in Southeast Asia: What Made it Possible? [Electronic resource]//Global Asia. A JOURNAL OF THE EAST ASIA FOUNDATION. 2013. Vol.8. N.3. fall. URL: <http://www.globalasia.org/Issue/ArticleDetail/454/Trust-Building-in-Southeast-Asia:-What-Made-it-Possible?-.html> (accessed 15. 12. 2013)
7. Severino R. A New Culture of Cooperation in Asia and the Pacific. Statement by, Secretary-General of the Association of Southeast Asian Nations, at the inaugural session of the Fourth Consultative Meeting among Executive Heads of Sub-regional Organizations and the United Nations Economic and Social Commission for Asia and the Pacific. Katmandu. 1998. October. 26.
8. Severino R. ASEAN as a partner for Europe// ASEAN Economic Bulletin. Singapore. 2001.Vol. 18. N 3(Dec.). pp. 337-341.
9. Kupchan Ch. From Enmity to Amity: Trust's Part in US Foreign Policy[Electronic resource]// Global Asia. A JOURNAL OF THE EAST ASIA FOUNDATION. 2013. Vol.8. N. 3. fall. URL: [http://www.globalasia.org/Issue/ArticleDetail/458/From-Enmity-to-Amity:-Trust% Do% B1 % Do%BFs-Part-in-US-Foreign-Policy-.html](http://www.globalasia.org/Issue/ArticleDetail/458/From-Enmity-to-Amity:-Trust%20Do%20BFs-Part-in-US-Foreign-Policy-.html) (accessed 14. 12. 2013).
10. Litsareva E. Contemporary History of Asia and Africa countries. 1945-2000. Tomsk: Tomsk University Publishing House, 2001. 102 p.
11. Rizal S. US-Southeast Asia Relations after the Crisis. The Security Dimension/Background Paper Prepared for The Asia Foundation's Workshop on America's Role in Asia. Bangkok. 2000.

- March 22-24 [Electronic resource]//The Asia Foundation. URL: http://asiafoundation.org/pdf/ussearelations_aria.pdf (accessed 8. 07. 2006).
12. A National Security Strategy of Engagement and Enlargement. The White House. 1995. February [Electronic resource]//The Air University. URL: <http://www.au.af.mil/au/awc/awcgate/nss/nss-95.pdf> (accessed 11. 05. 2012).
13. Joshua P. The U.S.-Japan Security Alliance, ASEAN, and The South China Sea Dispute [Electronic resource]//Asian Survey. 2005. Vol. XLV. N. 3. May/June. URL: <http://community.middlebury.edu/~scs/docs/Rowan,%20US-Japan,%20ASEAN,%20%26%20S%20CS%20Dispute,%20Asian%20Survey.pdf> (accessed 10. 05. 2012)
14. Severino R. Will ASEAN Be Like the EU? Remarks by Rodolfo C. Severino, Secretary-General of the Association of Southeast Asian Nations at the European Policy Center. Brussels. 2001. March 23
15. Parameswaran P. ASEAN leaders to weigh counterterrorism agenda/Agence France-Presse. 2002. November 1 [Electronic resource]//ASSOCIATION OF SOUTHEAST ASIAN NATIONS. URL: <http://www.aseansec.org/twt/twt1.htm> (accessed 15. 06. 2006)
16. Rizal S. US Policy Towards Southeast Asia: a New Paradigm? / Presented at the 24th Asia-Pacific Roundtable. Kuala Lumpur. 2010. June 7-9. [Electronic resource] //ISIS. URL: http://www.isis.org.my/files/24APRWEB/Rizal_Sukma.pdf (accessed 16.09.2013)
17. Yaqing Q. Prospects for East Asia Community [Electronic resource]//The Trilateral Commission, pp. 54-60. URL: http://www.trilateral.org/download/file/annual_meeting/eastasia_prospects.pdf (accessed 04. 01. 2014)
18. Chine est-elle en train de préparer la prise de contrôle de la planète? [Electronic resource]//Atlántico. 2013. 4 mai. URL: <http://www.atlantico.fr/decryptage/chine-est-elle-en-train-preparer-prise-controle-planete-jean-vincent-brisset-pierre-picquart-659208.html?page=0,0> (accessed 15.09. 2013)
19. McDevitt M. America's New Security Strategy and Its Military Dimension [Electronic resource]//Global Asia. A JOURNAL OF THE EAST ASIA FOUNDATION. 2012. Vol.7. N.4. winter. URL: <http://www.globalasia.org/Issue/ArticleDetail/61/americas-new-security-strategy-and-its-military-dimension.html> (accessed 16.09.2013)
20. Palanca E.H. China's Economic Growth: Implications to the ASEAN [Electronic resource]//Philippine Institute for Development Studies, Policy notes. 2002. No. 2002-04. May. URL: <http://unpan1.un.org/intradoc/groups/public/documents/apcity/unpan005055.pdf> (accessed 25.06. 2006)
21. Joint Declaration of the Heads of State/Government of the Association of Southeast Asian Nations and the People's Republic of China on Strategic Partnership for Peace and Prosperity. Bali. 2003. October 8 [Electronic resource]//ASSOCIATION OF SOUTHEAST ASIAN NATIONS. URL: <http://www.aseansec.org/15265.htm> (accessed 25.06. 2006)
22. Tang S. Japan's Grand Strategic Shift from Yoshida to Koizumi: Reflections on Japan's Strategic Focus in the 21st Century [Electronic resource]//Akademika 70. 2007. January. URL: [http://www.ukm.my/penerbit/akademika/ACROBATAKADEMIKA70/akademika70\[07\].pdf](http://www.ukm.my/penerbit/akademika/ACROBATAKADEMIKA70/akademika70[07].pdf) (accessed 05. 01. 2014)
23. Nishihara M. Japan's Political and Security Relations with ASEAN/ASEAN-Japan Cooperation: A Foundation for East Asian Community [Electronic resource]//Japan Center for International Exchange, pp. 154-167. URL: http://www.jcie.org/researchpdfs/ASEAN/asean_nishihara.pdf (accessed 05. 01. 2014)
24. Russia's accession to the Treaty of Amity and Cooperation in Southeast Asia (the Bali Treaty). 1976 [Electronic resource] Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. URL: <http://www.mid.ru/bdcomp/ns-rasia.nsf/3a0108443c964002432569e7004199c0/432569d80021985fc3256ee00036b0c8!OpenDocument> (accessed 25.06. 2006)
25. Chairman's Statement of the First ASEAN-Russian Federation Summit. Kuala Lumpur. 2005. December 13[Electronic resource] Association of Southeast Asian Nations. URL: <http://www.aseansec.org/18085.htm> (accessed 25.06. 2006)
26. Treaty on the Southeast Asia Nuclear Weapon-Free Zone. Bangkok. 1995. December 15. [Electronic resource] Association of Southeast Asian Nations. Basic Documents. URL: <http://www.aseansec.org/2082.htm> (accessed 25.06. 2006)

27. Del Valle A. Menace nord-coréenne : qui de Pyongyang ou des Etats-Unis joue le plus un double jeu? [Electronic resource] // Atlántico. 2013. avril 8. URL: www.atlantico.fr/decryptage/menace-nord-coreenne-qui-pyongyang-ou-etats-unis-joue-plus-double-jeu-alexandre-del-valle-691247.html (accessed 15.09. 2013)
28. North Korea in nuclear hysterics [Electronic resource]//Euronews. 2013. March 27. URL: www.euronews.com/2013/03/27/north-korea-in-nuclear-hysterics (accessed 15.09. 2013)
29. Mansourov A. The Rubik's Cube of North Korea Can Be Solved with Creative Thinking [Electronic resource]//Global Asia. A JOURNAL OF THE EAST ASIA FOUNDATION. 2013. Vol.8, N 3. fall. URL: www.globalasia.org/Issue/ArticleDetail/456/The-Rubik%Do%B1%Do%BFs-Cube-of-North-Korea-Can-Be-Solved-With-Creative-Thinking.html (accessed 14. 12. 2013).
30. Fitzpatrick M. Yongbyon restart: North Korea ramps up nuclear tension [Electronic resource]//BBC. 2013. April 2. URL: www.bbc.co.uk/news/world-asia-22006636 (accessed 14. 12. 2013)
31. Baker R. 2013. China and North Korea: A Tangled Partnership [Electronic resource]//Stratfor Global Intelligence. 2013. April 16. URL: www.stratfor.com/weekly/china-and-north-korea-tangled-partnership?utm_source=freelist-f&utm_medium=email&utm_campaign=20130416&utm_term=gweekly&utm_content=readmore&elq=deacc2678920423f97865ec75c2a90 (accessed 14. 12. 2013)

Copyright © 2014 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Voennyi Sbornik
Has been issued since 1858.
ISSN: 2309-6322
Vol. 5, No. 3, pp. 187-192, 2014

DOI: 10.13187/issn.2309-6322

www.ejournal6.com

Foreign Military Review

UDC 355

The Use of Snipers in the Military World: Training, Qualifications and Technologies

¹Olga V. Natolochnaya

²Aleksandr A. Cherkasov

¹International Network Center of fundamental and applied research, Russian Federation
Senior Researcher

²Tomsk State University, Russian Federation
Dr. (History), Professor

Abstract. Snipers are important instruments on the battlefield whose casualty-producing capability is an enormous force multiplier for companies and battalions. This article defines the role of the sniper on the modern battlefield and, also, the countersniper tactics, techniques, and procedures are regarded.

Keywords: sniper; military world; skills; weapon.

"You want to take out what's going to help your buddies the most"
American Soldier

Introduction

The sniper as "an elite military person operating often isolated from their own forces, having the mission of observing the area of operations, gathering raw data and intelligence, and striking by surprise important objectives of the enemy".

Military snipers are primarily used in a variety of missions on the battlefield, and the sniper's primary mission has nothing to do with pulling a trigger. The main battlefield role of the sniper is reconnaissance. Because snipers are masters of stealth, they are perfectly suited to sneak behind enemy lines to provide command with information about the enemy's size, strength and location [1].

Materials and methods

The sources for this article are the authentic textbooks on world military technologies, sniper training, as well as some fundamental research of the sniper techniques by such scientists as Robert Valdes, Maj Plaster, Christopher Eger and Erdem Barışık.

The methods used in processing the material are: method of continuous selection, method of comparative contextual analysis, method of applied analysis.

Discussion

Different countries use various military doctrines regarding snipers in military units, settings and tactics. Generally, a sniper's primary function in modern warfare is to provide detailed reconnaissance from a concealed position and, if necessary, to reduce the enemy's fighting ability by neutralizing high value targets (especially officers, communication and other personnel) and in the process pinning down and demoralizing the enemy [2]. Typical sniper missions include managing intelligence information they gather during reconnaissance and surveillance, target acquisition for air-strikes and artillery, assist employed combat force with fire support and counter-sniper tactics, killing enemy commanders, selecting targets of opportunity, and even destruction of military equipment, which tend to require use of anti-materiel rifles in the larger calibers such as the .50 BMG, like the Barrett M82, McMillan Tac-50, and Denel NTW-20 [3].

Military snipers from the US, UK, and other countries that adopt their military doctrine are typically deployed in two-man sniper teams consisting of a shooter and spotter [4]. A common practice is for a shooter and a spotter to take turns in order to avoid eye fatigue. In most recent combat operations occurring in large densely populated towns such as Fallujah, Iraq, two teams would be deployed together to increase their security and effectiveness in an urban environment. A sniper team would be armed with their long range weapon, and a shorter ranged weapon to engage and protect the team should enemies come in close contact.

Training

There are many variations on sniper training. The designated snipers operate alone. They are specially trained in short courses to use a scoped carbine-caliber weapon at the platoon level to take targets of opportunity out to 1,000 feet. Scout-snipers are trained to a higher degree and typically carry larger caliber weapons (7.62x51 NATO all the way up to 12.7 mm). Scout snipers often train for four to six weeks in very demanding courses and operate in pairs on missions away from the main body of troops. Special operations snipers complete all of the aforementioned training but are specialized and trained to carry out their craft from airborne and seaborne platforms as well as conduct more unorthodox and longer missions [5].

Stalking Skill. The sniper must use the appropriate stalking skills while closing with enemies.

Sheltering and Camouflage. Sheltering protects snipers from enemy observation and camouflage will conceal their bodies, weapons and equipment in any terrain. The sniper must use the sheltering and camouflage skills effectively in order not to be seen by enemies.

Distance Estimation. In order to neutralize the target, the sniper must estimate the distance between himself and the target, and be able to adjust his weapon in harmony with this distance.

Knowing Weapons and Equipment. A sniper's closest friend is his rifle. Knowing the properties of his weapon and equipment, using them in harmony with weather, terrain and enemy conditions are required for success.

Spotting Skill. The sniper must maneuver to a position where he can observe enemy activity. The sniper with high spotting-skills can identify an enemy's weak points.

Shooting Procedures. The sniper must execute all steps of the shooting process from having a comfortable position to the trigger pulling phase.

Accurate Shot. The sniper will obtain to shoot accurately by implementing the rules of correct targeting

Qualifications

Discipline: The sniper must be disciplined while planning and be able to put the plan into action step-by-step.

Initiative: The sniper should take the initiative because he will accomplish his task independent from his company.

Courage: The sniper is required to close near enemy lines. Such a situation requires being brave.

Patience: Often the sniper may have to stay in the same position and location under negative weather conditions for long durations.

Physical Characteristics

Considering the terrain and weather factors, the sniper must have advanced physical skills in order to accomplish his tasks. For example, a duty which must be fulfilled in mountainous terrain and under heavy rain requires advanced physical conditioning [6].

Technologies

Countersniper TTP involve two types of actions: active countermeasures and passive countermeasures. Each has its place, depending on the METT-TC conditions under which the unit is operating. Most sniper countermeasures are not new TTP for well-trained combat troops. They are simply common sense actions taken routinely while in a combat area to limit exposure to fire, conceal positions, move tactically, and respond to enemy contact. Some countermeasures are not routine and require additional training emphasis. No matter which TTP are employed, successful countersniper measures present leaders with a challenge to maintain unit discipline. The sniper has the initiative. Units must not implement countermeasures halfheartedly. To do so invites casualties from snipers who can wait hours for the moment a unit's guard is down.

a. **Active Countermeasures.** Active countermeasures either detect and destroy the sniper before he can fire, or engage and neutralize him after he fires. Active countermeasures include the use of the following:

(1) **Observation Posts and Aerial Observers.** Observers can maintain a constant surveillance over potential sniper positions and detect snipers as they attempt to move into position for a shot. Once detected, snipers can be easily neutralized or forced to withdraw.

(a) Observation posts should have access to powerful spotting telescopes, medium-power binoculars, and night observation devices (thermal, if possible). Constantly scanning an area for the minute movements made by a well-trained sniper is exhausting. Therefore, personnel on OP duty should rotate frequently. However, a person who is intimately familiar with the area being scanned is most likely to notice a subtle change.

(b) As military and commercial lasers become more and more common, these devices may be used against US forces manning observation posts. Observers should be equipped with laser protective

glasses, especially when using direct-view optical devices. Laser protective glasses, binoculars with laser filters, and indirect-view optics protect observers from most available laser systems.

(c) Aerial observers can operate from any of several platforms. The modernized OH-58, with its sophisticated night vision capability, and the AC 130 have excellent capabilities to detect individual snipers around US positions. Any of several unmanned aerial vehicles (UAVs), with their extended loiter time and video/night vision capability, can also be used effectively.

(2) Patrols. Constant reconnaissance and security patrols around a unit's position hinder a sniper's getting into a firing position undetected. Small patrols are usually more effective.

(a) Enemy sniper teams are small and depend on stealth to approach a target along covered and concealed routes. Normally, they move to a hide or "shoot" position and remain there for long periods. These sniper teams are most effective when they have good fields of fire from 300 to 600 meters. At ranges of less than 300 meters, the sniper's movements and firing signature are more easily detected. A moving sniper who has been discovered by a small security patrol is at a great disadvantage. He lacks the firepower to fight a long engagement and is normally far from support or assistance.

(b) Small night security patrols using night vision devices can be very effective. Reconnaissance patrols should move by covered and concealed routes to good observation points, stop, observe, then move to another position. The patrol routes must vary, and a reaction force or supporting weapons must be ready if the patrol makes contact. Military working dogs and trained handlers can be useful in detecting enemy snipers. Dogs can quickly search large buildings for hidden enemy and can detect personnel at long range if downwind.

(c) In addition to reconnaissance patrols, small combat patrols are also effective. A variation of the ambush patrol is the stay-behind ambush. A small ambush element moves as part of a larger patrol and occupies its position without being observed. It then observes its kill zone, which may be very large if the element has a sniper team with it, and engages enemy snipers as they attempt to move into position.

(3) Unit Weapons. If an enemy sniper engages a unit, it may be authorized to respond with fire from all its light weapons. In an urban area, the direction of enemy fire, especially from a single rifle shot, is often difficult to determine. If a unit can determine the general location of a sniper, it should return suppressive fire while maneuvering to engage the sniper from close range. This is not always successful because a well-trained sniper often has a route of withdrawal already chosen. Massive return of fire and immediate maneuver can be effective against short-range sniper fires, if the ROE permit this response. In high-intensity urban combat, they are often the best immediate responses. Exploding fragmentation rounds, such as 40-mm grenades from the M203 grenade launcher, are the most effective suppressors.

(4) Overmatching Fire From Selected Weapons. The use of overmatching return fires against snipers can be very effective in high-intensity or precision urban combat. The 25-mm cannon on the BFV is a powerful and accurate weapon that can penetrate deep into buildings with its APDS rounds. Fires from caliber .50 machine guns were effective against snipers during combat in Panama in 1989. Units reported the snipers seemed to be intimidated into inaction by the immediate return of heavy machine gun fire. In Somalia, immediate heavy fires from MK 19 automatic grenade launchers were often effective at stopping sniper fires from armed irregulars. Light or medium antitank weapons are also effective. Because of their accuracy, guided munitions such as the TOW, Hellfire, Dragon, or Javelin have the added advantage of limiting collateral damage. Tank cannon can also be used to respond to sniper fire, although the danger of collateral damage is greater because of the extreme penetration of the round.

(5) Preemptive Fires. In high-intensity urban combat, preemptive fires can be used against likely sniper positions. This technique is more often used during offensive operations. It uses large amounts of ammunition but can be very effective for short attacks. Fragmentation fires from artillery, mortars, and grenade launchers are best for suppressing snipers whose position has not yet been detected.

(6) Projected Smoke or Riot Control Agents. Projected smoke that builds quickly is a good response to protect a unit from further casualties if engaged by an enemy sniper. It greatly limits his ability to acquire targets. The closer the smoke is placed to the sniper's location, the more effective it is. If the location of the sniper is unknown or cannot be reached by projected smoke, a smoke cloud established near the unit is still effective in reducing the sniper's chances of hitting a target. If the ROE permit, and permission has been granted for the use of riot control agents, they

can be used effectively to reduce the sniper threat. Few snipers can deliver long-range, accurate fires while wearing protective masks.

b. **Passive Countermeasures.** Passive countermeasures prevent the sniper from acquiring a clear target or prevent his fires from causing casualties. Many passive countermeasures are not unique to countering enemy snipers. They are common sense actions taken by well-trained infantry units in a combat area to limit exposure and minimize casualties. Passive countersniper measures are rarely successful by themselves. They may be politically and psychologically effective in terms of reducing US casualties and the level of violence, but they are often ultimately counterproductive to the commander's main mission. They tend to isolate US forces, especially during stability and support operations, when a visible presence is often required. They tend to create a siege mentality, and they pass the initiative over to the sniper. Among the most common passive countermeasures are:

(1) **Limit Exposure.** Consider the following when limiting exposure:

Use covered and concealed routes.

Avoid open plazas and intersections.

Stay away from doorways and windows.

Move along the side of the street, not down the center.

Move in the shadows.

Move dispersed, using traveling or bounding overwatch.

Avoid lighted areas at night.

Avoid being silhouetted against lights or the skyline.

Move quickly across open areas that cannot be avoided.

Remain crouched or prone behind cover or concealment whenever possible.

If troops are riding in the cargo area of trucks, keep the canvas cargo cover mounted to screen them. (This countermeasure may not be appropriate if there is threat of ambush by enemy forces in addition to snipers.)

Avoid gathering together in large groups in the open.

Remain dispersed.

Avoid wearing obvious badges of rank.

Avoid exaggerated saluting or standing at attention for officers while in the open.

(2) **Wear Protective Equipment.** The Kevlar helmet and protective vest will not always stop a sniper bullet, but they will significantly reduce the severity of wounds. They should be worn any time soldiers are exposed to potential sniper fire. In situations where dismounted movement across country is not required, request and issue soldiers special, heavy protective vests that are actually bulletproof. All unit members should wear this protection.

(3) **Use Armored Vehicles.** Whenever possible, move around the urban area in a protected vehicle with as little exposure as possible. Avoid open-sided cargo vehicles. Requisition or improvise vehicular armor against small-arms fire for all administrative and logistical vehicles.

(4) **Erect Screens and Shields.** Use simple canvas or plastic screens to make a dangerous alleyway or street crossing much safer for foot traffic. Adapt screens on windows to allow vision out while hiding personnel inside. Use moveable concrete barriers to provide protection for personnel at static positions. Use common items, such as rubble-filled 55-gallon drums and sandbags, to provide cover.

(5) **Deny the Enemy Use of Overwatching Terrain.** Either occupy such terrain with friendly forces or modify it to make it less useful to an enemy sniper. Pull down likely hiding places. Ensure all actions are in accordance with the laws and customs of war. Clear bushes and rubble. Board or brick up windows. Pile up earth and rubble in front of buildings to block lines of sight for snipers.

(6) **Use Smoke Hazes or Smoke Screens to Obscure the Sniper's Field of View and Limit the Effectiveness of His Fires.** A clear atmosphere is required for accurate long-range sniping. Smoke hazes can be maintained over broad areas for long periods without significantly hindering friendly operations. Smoke screens can be created quickly and sustained for short periods so US forces can accomplish their objective [7].

Conclusion

As in every field, technologies and systems used in sharp shooting show rapid changes. Technology minimizes the various failures made by soldiers. The developments in weapon and ammunition systems may decrease the total number of snipers moving as a team and provide cost

advantages to armies. No matter how battlefield technology improves, this does not change the reality that snipers must have task planning skills, knowledge and training, and qualifications which are necessary to accomplish the mission.

References:

1. Robert Valdes. How Military Snipers Work // How Stuff Works – A Discovery Company [Electronic resource] URL: <http://science.howstuffworks.com/sniper1.htm> - 23.04.14.
2. Plaster, Maj. John L. (2007). The History of Sniping and Sharpshooting (2007 ed.). Paladin Press. ISBN 978-1-58160-632-4.
3. Lee T.W. (2009) Military Technologies of the World. Vol 1. ISBN 978-0-275-99537-9.
4. Plaster, Maj. John L. (1993). The ultimate sniper: an advanced training manual for military & police snipers (1993 ed.). Paladin Press. ISBN 978-0-87364-704-5.
5. Christopher Eger. Military Sniper Training [Electronic resource] URL:http://www.ehow.com/about_6118516_military-sniper-training.html - 24.04.14.
6. Barışık E., Baltacıoğlu G., The Employment of Sniper in Modern Battlefield // Journal of Military and Information Science, Vol. 2, No. 1 URL: <http://www.jmisci.com/index.php/JMIS/article/view/erdm/erdem> - 23.03.14.
7. Countersniper tactics, techniques, and procedures. GlobalSecurity.org [Electronic resource] URL: <http://www.globalsecurity.org/military/library/policy/army/fm/3-06-11/ch6.htm> - 24.04.14